

ГОСУДАРЕВА ИЗБРАННИЦА

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Проzorov
Государева избранница

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Государева избранница / А. Д. Прозоров — «Автор»,
2018 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-04-092262-8

Дабы отвлечь юного царя Михаила от государственных дел, его мать инокиня Марфа, в миру Ксения Шестова, решила затеять смотрины. Властная и своенравная, она наказала сыну выбрать княжну Мстиславскую. Однако Михаил подчиняться воле матери не пожелал, и его нареченной невестой стала Мария из рода Хлоповых. Наивная боярышня, принимая в подарок драгоценную чашу от имени Марфы, даже не подозревала, какое противостояние развернулось между ее женихом и свекровью...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092262-8

© Прозоров А. Д., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Часть первая. Царская воля	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров

Государева избранница

© Прозоров А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая. Царская воля

2 сентября 1616 года

Москва, Кремль

Полуденное солнце с легкостью пробивало три забранных слюдою окна Малой Думной палаты и ударяло в золотистую роспись стены, после чего растекалось по всей горнице, освещая чинно восседающих на лавках вдоль стен, под ликами святых старцев, знатных бояр.

Высокие бобровые шапки, соболя воротники, распахнутые парчовые шубы, песцовая опушка рукавов и подолов, обитые серебром и золотом высокие посохи, многие из которых венчались резным навершием из слоновой кости либо еще более драгоценным самоцветным. Пояса с накладками из янтаря и яхонтов, перстни с камнями, золотые цепи и ожерелья на шеях.

Богатством, достоинством, золотом и самоцветами лучились наряды всех находящихся здесь людей, кроме двоих. Первым был одетый в длинный коричневый кафтан писарь, таящийся за пюпитром возле окна и старательно строчащий что-то на листочках рыхлой желтой бумаги. Вторым – пожилая круглолицая монахиня, облаченная в темно-синюю рясу и светло-серый апостольник¹, опирающаяся на высокий тонкий посох из красной вишни с широким крестообразным навершием из серебра.

Именно инокия, стоя слева и чуть позади царского трона, сурово отчитывала упавшего пред государем на колени худощавого лысого боярина с тощей седой бородкой, тискающего в руках засаленную рысью шапку:

– Тебя, Агофен Листратыч, бояре чухломские губным старостой избрали, с тебя за них всех и спрос! Что за бесовство поганое они вдруг затеяли, на торгу подать не платить?! Мытаря царского погнали, да еще и поход разбойный к татарам своевольно учинили?! Без Разрядного приказа исполчения, без указа и доизволения? Да еще на смотр половина людей ратных не вышла! Это что же вы себе за дурь позорную позволяете? Али шляхта дикая вас покусала, что подобно ляхам поганым вести себя затеяли?! Али вы мухоморов каких в лесах своих дружно откушали?! Каковую сказку в оправдание затеи сей вымолвить посмеешь? Говори!

– Дык, государь... – жалобно взмолился старик, умоляюще глядя в глаза восседающего на позолоченном кресле бледного худосочного юношу, с легким пушком на подбородке и верхней губе вместо усов и бороды. – На басурман, знамо, бояре отлучались-то! Рази грех сие, нехристей всяких, сарацин нерусских пощипать маненько? И дуван взятый по обычаю атаман делит, да круг войсковой. Зачем нам мытарь?

– Да ты никак вовсе ума лишился, боярин Агофен?! – громко возмутилась монашка. – Где это ты обычаев таких набрался?! Откель вовсе повадки подобные в державе православной взяться могут?! У нас на Руси токмо закон все поступки людские определяет! Указы царские да приговор собора Земского! И без воли царской ни один боярин саблю из ножен вынимать права не имеет! Ни на басурман, ни на схизматиков, ни на православных людей тем паче! Коли от приказа Разрядного повеления не пришло, живи тихо, землю паши да жену люби! А в исполнение назначили, в тот же час в седло подняться должен, да в снаряжении полном на смотр явиться, в броне, с саблей и рогатиной, да с конем заводным. И от каждых пятидесяти десятин пашни своей по доброту снаряженному воину выставить!

– Ну так круг, он решит...

– Опять круг, Агофен?! – совсем уже взъярилась монашка. – Нет никаких кругов в царствии русском, боярин! На Руси есть токмо приказ Разрядный да воля царская! А коли не нра-

¹ Апостольник – головной платок с вырезом для лица, ниспадающий на плечи и покрывающий равномерно грудь и спину. По длине может достигать живота. Обязательный предмет одеяния православной монахини.

вятся вам законы праведные, то вот вам бог, а вот порог: на Дон катитесь, к вольнице казачьей! Нам такие слуги не надобны!

Монашка снова стукнула посохом об пол и твердо объявила:

– Слушай волю царскую, Агофен Листратыч! Сим государь наш Михаил Федорович объявляет, что любой сын боярский, на смотр по велению Разрядного приказа не явившийся, либо по разумению своему в поход ушедший, из росписей в тот же час исключен будет, а поместье его в казну отписано! О сем избирателям своим и поведай. Все, ступай! Более тебя государь не задерживает!

– Благодарствую, государь... Благодарствую... Благодарствую... – С хорошо видимым облегчением губной староста из Чухломы поднялся с колен и, низко кланяясь, допятился до двери, шмыгнул наружу.

– Они так и останутся ненаказанными?! – изумились сразу трое думных бояр. – Учудили самовольный поход, мытарей прогнали, на смотр не явились... Да за любой из сих грехов боярина ссылать надобно и все земли изымать без оговорок! Детей же боярских в черный люд сразу списывать!

– Как бы нам не разбросаться боярами-то, Тихон Матвеевич, – ответила только одному из возмущенных князей монашка. – Во времена смутные многие земли токмо своим разумом жили, своим кругом все решали, про законы и указы за сии годы успели позабыть. Их всех к жизни правильной ни за день, ни за год уже не повернуть. В иных местах закон казачий сельские приняли, в иных под руку князей местных вернулись. Тут строгостью одной не обойтись, тут терпение надобно. Нет ныне сил у царя для всеобщей строгости. Однако же коли самых ретивых вольнодумцев на вольницу спроваживать, а на разумных опираться, то так, потихонечку, шаг за шагом, порядок и наведем.

– Так нам никакой жизни не хватит, матушка! – вздохнул думный боярин.

– А ты, Тихон Матвеевич, полагаешь, умнее твоих холопов на коней посадить, да их саблями чухломских помещиков к порядку приучить? В Чухломе дети боярские погибнут, в твоей дружине холопы погибнут. И какой от сего державе прибыток? Токмо ненависть у вас друг ко другу надолго в сердцах поселится, в жизни и в походах волками друг на друга смотреть станете, помогать друг другу не захотите. Станет ли от сего Русь и войско наше прочнее? – Монашка чуть выждала, словно бы ожидая ответа, и закончила свою речь: – Терпение, Тихон Матвеевич, терпение. Господь терпел и нам велел. Курочка по зернышку клюет и сыта бывает. Вот и нам ныне надобно земли все, уделы и детей боярских по зернышку собирать да привечать, в гнездо родное возвертая. А коли служивых бить по головам начнешь, так они после сего токмо еще дальше разбегутся.

Вставшие со своих мест князья склонили головы и вернулись на скамьи.

– Нынешний день оказался долгим, бояре, – решила монахиня. – Государь устал. Время обеденное, пора и отдохнуть. Господу помолиться, покушать, иными делами озаботиться.

Думные бояре опять поднялись, оперлись на посохи, склонились в поклонах. Последним поднялся с трона юноша, одетый в ферязь из аксамита² и в тафью³ с золотым шитьем.

– Сынок, ты как? Все хорошо? Как себя чувствуешь?

– Все хорошо, матушка, – тихо ответил юный государь.

Его попытались поддержать двое рыжебородых слуг в парчовых кафтанах, но царь Михаил Федорович жестом их остановил и самостоятельно вышел в дверь за креслом.

Думные бояре распрямились и тоже двинулись к выходу.

За дверью же, что скрывалась за тронем, монашка положила руку юному самодержцу на плечо:

² Аксамит – плотная ткань из шелка с золотой и серебряной нитью.

³ Тафья – русский головной убор, похожий на тубетейку.

– Ты выглядишь уставшим, Мишенька. Может статься, братья Салтыковы проводят тебя в опочивальню?

– Не нужно, матушка, – покачал головой царь всея Руси. – Я хорошо себя чувствую. Я вполне могу дойти до своих покоев сам!

Явное раздражение государя заставило отступить и братьев Михаила и Бориса, и инокиню Марфу, в девичестве – Ксению Ивановну Шестову.

– Хорошо, Мишенька, – не стала спорить монашка. – Ступай. Но после обеда обязательно полежи! Мне же ныне надобно в обитель. Увидимся вечером.

– Конечно, матушка...

Государь и монашка крепко обнялись, после чего скромная послушница, постукивая посохом, повернула к лестнице, а ее сын в сопровождении четырех рынд⁴ – высоких, плечистых, одетых в белоснежные кафтаны, с топориками в руках – двинулся к своим покоям.

Такое уж оно, одиночество царя, – всегда в окружении охраны, советников или слуг.

Царские холопы встретили Михаила Федоровича в его личных покоях, пахнущих можжевельником и ладаном, обитых сукном, застеленных коврами, с расписным потолком и слюдяными окнами, сняли с правителя дорогую парадную одежду, одели в свежую шелковую рубаху и бархатную тафью, опоясали парчовым кушаком, проводили к накрытому столу, отодвинули обитое алым бархатом резное польское кресло, положили на колени вышитую салфетку...

Взойдя на трон целых три года назад, Михаил до сих пор никак не мог к этому привыкнуть: к тому, что слуги выполняли за него буквально все! Расправляли наряды, одевали, раздевали, укладывали в постель, взбивали подушки и накрывали одеялом, постоянно ходили следом, открывали для него двери, умывали перед едой и, конечно же, парили в бане; накладывали кушанья в тарелку и наливали питье в кубок. Мальчик, которого царские приставы пытались свести в могилу холодом и голодом, никак не мог себе представить, что спустя всего десять лет он сам станет повелителем всея Руси и что те же самые царские слуги, каковые добивались его гибели, теперь чуть ли не на руках станут носить его с утра до вечера и сдувать каждую пылинку при первой возможности.

В не самой длинной жизни Михаила Федоровича случилось многое: ссылка, голод, унижения, бегство, возвращение в материнские объятия – и снова скитания, бегство, осады, голод... Но испытание заботой оказалось самым тяжелым.

– Боря, я налью сам! – не выдержал государь, когда заботливая рука потянулась из-за его плеча за кувшином с вином. – Столько, сколько самому хочется!

– Не-не-не, царь-батюшка, ни в коем разе! – Остролицый паренек, голубоглазый, вихрастый и конопатый, одетый в вышитый кафтан и соболью шапочку, торопливо сцапал серебряную емкость с высоким тонким горлышком, покрытую витиеватой чеканкой и ярким эмалевым рисунком. – Кравчий и только кравчий должен заботиться о твоих кубках и тарелках! Вдруг отравят?

Юный слуга налил в небольшой стаканчик вино, опрокинул в рот, звучно почмокал:

– Какая вкуснятина! Даже не понимаю, отравлено или нет? Пожалуй, нужно проверить еще раз... – Паренек плеснул себе снова, выпил, после чего почти до краев наполнил царский кубок. – Советую начать с этого, царь-батюшка. Красное фряжское диво как кровь разгоняет. Его словно прямо в жилы наливаешь! Сразу и теплее становится, и бодрее, кожа розовее. Тебе, Михаил Федорович, это ныне надобно. Бледный ты сегодня, государь.

Слуга налил себе в стаканчик еще вина, подмигнул юному самодержцу и опрокинул драгоценное питье себе в рот.

Боярин Морозов, Борис сын Иванович, единственный во всей державе позволял себе с правителем всея Руси подобные вольности. Ведь свою службу паренек начинал не слугой, а

⁴ Рынды – оруженосцы и телохранители московских великих князей и царей.

воспитанником. Три года назад он попал в кремлевский дворец вместе с Михаилом – двенадцатилетним напуганным сиротой, взятым ко двору из христианской милости и ради заслуг почившего отца, служившего подьячим в Посольском приказе, однако в смутное время совершенно разорившегося.

Юный царь, тоже ощущавший себя в огромном дворце неудобно, взял мальчишку к себе в свиту, всячески его поддерживал и утешал, тем самым успокаиваясь и сам.

Под надежным крылом государя зашуганный нищий сиротка вырос слегка нахальным и веселым паренком, бедовым, но весьма умным. Во время пиров и бесед с приказными дьяками, на которых он прислуживал, Бориска ухо держал востро и хорошо усваивал услышанное. Посему, получив первое пожалование в пять сотен десятин, он стал надолго исчезать из дворца, занимаясь какими-то личными затеями. Однако к службе всегда и неизменно успевал.

– Полагаю, царь-батюшка, тебе еще и грибков отпробовать хочется, и убоинки печеной, и буженины, и печени заячьей на вертеле, и холодца... – Кравчий торопливо наполнял золотое, с самоцветами по краю, блюдо угощениями. – Ан нет... Холодец не помещается. Его тебе захочется позднее.

Михаил Федорович, не в силах сердиться на своего воспитанника, улыбнулся, поднял со стола кубок и пригубил вино:

– Куда ты все время пропадаешь, Борис? Иногда мне сильно не хватает твоего задора.

– Бедному сиротке приходится самому заботиться о своем прибытке, царь-батюшка. Иначе придется сидеть голому и босому, холодному и голодному. – Паренек быстро и ловко уплетал набранное на блюдо угощение. – Никогда! Никогда, государь, не отказывайся от кравчего! Иначе очень хороший человек может остаться на улице с пустым желудком!

– Почему на улице? – удивился царь. – Тебя же никто не выгоняет!

– Сговорился после обедни с одним торговцем о вологодском поташе поболтать... – несмотря на суетливость и прожорливость, о своих обязанностях кравчий не забывал, и пока Михаил Федорович допивал вино, быстро и ловко положил ему на тарелку несколько ломтей уже отведенного мяса и два вертела с заячьими почками, добавил немного капусты, а вот грибы класть не стал. Наверное, чем-то не понравились.

– Боярин Третьяков тоже полагает английского посланника со товарищи после обедни ко мне привести. Монополии прежние торговые подтверждать. – Государь взялся за ножи, наколол ломтик буженины, отправил в рот. – Уж не тебя ли я там застану?

– Почто ты, царь-батюшка, с сей поганю вообще встречаешься? – переключая себе холодец, поинтересовался паренек. – Англичане ведь, известное дело, на всем белом свете самые главные воры, лгуны, нехристи и изменники! Ты знаешь, каковой у них доход для казны самый главный? Корабли они гышпанские грабят, да тем еще и гордятся! Самых удачливых из татей-душегубов морских в воеводы свои возвеличивают! Молятся они не Богу нашему Иисусу Христу, а королю своему, королев же вешают, ако татей подзаборных. Воры, обманщики, изменники, государь. Нечто, полагаешь, на Руси они иначе себя вести станут? Да точно так же! Воровать станут где токмо можно, таможду и казну обманывать и смуты затевать.

– Откель ты все сие ведаешь? – удивился Михаил Федорович.

– Так ведь Посольский приказ каждый месяц газету выпускает, «Куранты» названием, в каковой все события самые важные пересказывает, что в мире во всем случились. Для бояр думных, дьяков приказных, князей знатных. Нечто ты ее не смотришь, царь-батюшка? Чтиво зело интересное!

Повелитель всея Руси начал жевать медленнее, о чем-то задумавшись.

– Не на одном ворье свет клином сошелся, государь. – Кравчий подлил царю еще вина. Себя, разумеется, тоже не забыв. – Те же товары и у голландцев купить можно, и у немцев, и у французов. За наше железо и пеньку они платят больше, воруют меньше. А коли меж собой их сравить, чтобы за внимание твое боролись, так казне раза в три доход увеличить можно.

– Уж не в дьяки ли Посольского приказа ты метишь, Борис? – с интересом посмотрел на воспитанника Михаил Федорович.

– Куда мне, царь-батюшка? Коли бороды нет, то и места тоже, – красноречиво провел пальцами по голому подбородку паренек.

– И то верно... – покачал головой государь, тоже провел пальцами по подбородку, отодвинул тарелку, допил вино и встал:

– Ладно, Боря, беги! Крути свои поташные промыслы.

Его воспитанник не заставил просить себя дважды, низко поклонился, прижав ладонь к груди, и выскользнул за дверь.

Михаил Федорович отер губы и руки еще до того, как к нему подскочили слуги – проводили до опочивальни, раздели, откинули край одеяла на перине, позволили лечь и прикрыли одеялом. Спасибо хоть не уложили, как несмышленного младенца.

Тем не менее юный государь почти сразу заснул; крепко, словно убитый, без тревог и сновидений, через полтора часа поднявшись сам – хорошо отдохнувший, слегка голодный и терзаемый недобрыми мыслями.

Постельные слуги одели Михаила Федоровича, вывели его в горницу перед опочивальней, где повелителя уже дожидался дьяк Посольского приказа. Дородный, высокий и, наверное, плечистый – богатая московская шуба, крытая сине-золотой парчой, с высоким кунным воротником, богатой опушкой по всему краю одежды, несколькими самоцветами на плечах и груди, совершенно скрывала фигуру боярина, оставляя на виду токмо солидный живот. Под запахнутой шубой сверкала золотом дорогая ферязь, а также наборный пояс. Белая рыхлая кожа на лице, на удивление густые каштановые брови, широкая окладистая борода того же цвета. Посередине бородку украшали две косички с вплетенными в них узкими ленточками: синей и оранжевой. В общем, дьяк Посольского приказа олицетворял собою настоящую знатность и мужскую красоту.

– Мое почтение, государь, – поднявшись из кресла, поклонился боярин Третьяков.

– Рад тебя видеть, Петр Алексеевич. – Царь всея Руси жестом отослал слуг прочь. Дождался, пока створки закроются, и спросил: – Правду ли сказывают, боярин, что англичане повесили свою королеву?

Дьяк поджал губы, подумал, затем поправил:

– Отрубили голову.

– И ставят пиратов своими воеводами?

– Адмиралами... – опять уточнил посольский дьяк.

– И молятся своему королю?

– Они молятся Богу, Михаил Федорович. Короля же почитают за главу своей церкви.

– Воры, душегубы, изменники... – задумчиво повторил царь всея Руси. – Как же нас угораздило, Петр Алексеевич, связаться с такими-то проходимцами?

– Дык... Давно было... – неуверенно ответил дьяк. – Связи старые, налаженные. Привычные...

– Ведомо мне, Петр Алексеевич, что Посольский приказ газету делает. «Куранты» называется. Сделай милость, пришли ее мне. Желая почитать, – спокойно распорядился юный царь. – Вестимо, узнаю там еще много интересного.

– Да, государь, – поклонился боярин и вышел из горницы.

Бывалый дипломат не стал спрашивать государя о встрече с английским посланником – и без того все понял. И потому из большого Великокняжеского дворца он со всех ног поспешил в Вознесенский монастырь.

Боярин Третьяков сделал свою карьеру в трудное время и прекрасно разбирался в тонкостях властных механизмов. В далеком шестьсот пятом году он смог вовремя поклониться сыну Ивана Грозного Дмитрию Ивановичу – за что при невысоком своем происхождении получил

доходное место дьяка Разрядного приказа. Спустя три года за прилежание в работе царь Дмитрий Иванович возвысил его до думных дьяков, а затем и в дьяки Посольского приказа. Десять лет службы при царском дворе, да еще и в смутное время, хорошо научили Петра Алексеевича отличать тех, кто царствует, от тех, кто правит. И он знал, кому именно нужно жаловаться на произвол государя всея Руси.

Боярин поспел в обитель аккурат к тому часу, когда монахиня встала из постели и вместе с верной наперсницей, инокиней Евникией, пила в трапезной пряный обжигающий сбитень, закусывая его ароматными медовыми пряниками.

Матушка Евникия, в миру княгиня Ирина Ивановна Салтыкова, ушла от сует по собственной воле после смерти супруга. И как знатная боярыня, постриглась в придворный, Вознесенский монастырь, стоящий в Кремле сразу за Фроловской башней.

Матушка Марфа поселилась здесь же, в соседней келье, немного позже – после избрания сына Михаила на царствие.

Женщин сблизило многое. Обе потеряли любимых мужей: ведь патриарх Филарет, супруг монахини Марфы, томился в заложниках у польского короля, и никакой надежды вернуть его пока не имелось. Обе имели взрослых сыновей, каковыми дорожили. И обе старались этим сыновьям всячески помогать – делаясь опытом, связями, окружая заботой и любовью.

Неудивительно, что князя Михаил и Борис Салтыковы – дети Евникии – стали окольничими юного царя, его верными слугами, советниками и преданными телохранителями.

Подруги были почти неотличимы: в одинаковых серых подрясниках, круглолицые, разругавшиеся, со спрятанными под платки волосами. И мелкие старческие морщинки на одинаково бледной коже тоже были у обеих. Вдобавок в большом помещении с низким сводчатым потолком оказалось сумеречно – и потому в первый миг дьяк Посольского приказа даже засомневался, к кому именно из послушниц надобно обращаться.

По счастью, матушка Марфа разрешила его сомнения, заговорив первой:

– Рада видеть тебя, Петр Алексеевич! Присаживайся к столу, раздели с нами хлеб-соль. Полина, принеси нашему гостю достойный корец.

– Да, матушка. – Верная и послушная спутница царской матери отошла к дальней стене трапезной, к стоящим там сундукам.

– С чем в неурочный час пожаловал, Петр Алексеевич? – поинтересовалась инокиня. – С вестями добрыми али нет?

– Государь не стал встречаться с английским посланником, матушка, – присел к столу гость и потянулся к золотому блюду с пряниками.

– Занедужил?! – тут же встревожилась монахиня.

– Не беспокойся, матушка, Михаил Федорович бодр и здоров, – тяжело вздохнул дьяк Посольского приказа. – Однако же он откуда-то прослышал про нрав недобрый сих островитян и теперь не желает о них мараться.

– Но как же так? – вскинулась монашка. – Мы же по договору торговому обо всем стовориться успели!

– Коли государь свою подпись не поставит, матушка, никто его исполнять не станет, – покачал головой боярин.

– Это я и сама понимаю, Петр Алексеевич, – отмахнулась инокиня. – Но как же он своею-то волей? Мы же обо всем стоворились!

– Михаил Федорович ведь о сем ничего не ведал! – вступился за юного царя боярин Третьяков. – Мы полагали, после беседы с торгашом английским и получения подарков от одного государь в хорошем настроении урядное соглашение подпишет, тем его заботы о сем вопросе и кончатся. Однако же ныне у него настроение такое, что беседы об островитянах лучше не затевать. Как бы ссоры вместо соглашения не получилось.

– Я с ним поговорю! – решила инокиня Марфа и даже попыталась встать. Но ее руку неожиданно накрыла ладонью наперсница, инокиня Евникия.

– Не спеши, матушка, – тихо сказала она. – Мальчишки упрямы. Коли их волю ломать пытаешься, они токмо крепче на своем стоять начинают. Поверь мне, Марфушка, я ведь двоих вырастила и в люди вывела.

– Однако же соглашение нам ныне надобно! Коли торг затихнет, казне убыток великий приключиться может!

– Люди молодые чувством многое решают, а не разумом, матушка. Коли почуял Михаил Федорович, что с англичанами достойному человеку знаться позорно, ты его не переубедишь. Ближе из сих еретиков никого не подпустит! Тем паче мальчишка! У них честь свою беречь в крови с самого рождения.

– Но казне царской соглашение сие крайне надобно, Евникия!

– Твой сын взрослеет, Марфушка. – Монашка убрала руку и поднесла к губам усыпанный самоцветами золотой ковшик. – Тебе бы радоваться, а ты серчаешь.

– Тем взрослеет, что соглашение сорвал?! – повысила голос инокиня.

– Тем взрослеет, что делами государевыми беспокоиться начал, матушка, – спокойно ответила инокиня Евникия.

– Беспокоится, да ничего в них не смыслит!

– Так молодость, матушка, молодость. Кровь кипит, сердце горит, страсть наружу рвется, – потянулась за пряником престарелая монахиня. – Ан ума да опыта еще не набралось. Оттого поруха за прорухой и случаются.

– Оно дело понятное, матушка. – Дьяк Посольского приказа, получив от послушницы серебряный ковшик, налил себе сбитень из пузатого, начищенного до зеркального блеска самовара, над которым вился слабый дымок. – Юность безрассудна. Да разве сие исправишь?

– Да к чему исправлять-то, боярин? – усмехнулась монашка. – Судьба человеческая господом определена, и не нам с волею всевышнего спорить. Юности надобно отдать юношево, а зрелости пожилое.

– О чем ты, Евникия? – не поняла наперсницы матушка Марфа.

– Коли сын твой взрослеет, женить его надобно. Женитьба, известное дело, первый шаг к мужскому остепенению. Пусть он страсть свою и помыслы на молодуху направит, на прелести девичьи и обустройство гнезда собственного. Тогда, глядишь, не до глупостей ему станет в хлопотах прочих. Вопросы же государственные ты сама да дьяки многоопытные спокойно и тихо решать сможете, царя попусту не тревожа...

– Чур меня, чур, Евникия! – обеими руками отмахнулась монашка. – Слабенький он еще! Болезненный после ссылки-то, ножками мается, бледный постоянно, задыхается.

– Двадцать лет парню, Марфа! – сурово возразила наперсница. – Куда уж дальше ждать-то? Слабый не слабый, ан мужчиной пора становиться! Годы идут, о детях пора подумать да о внуках для отца с матушкой. Скажи, Петр Алексеевич?! – неожиданно повернулась к дьяку монашка.

– Для спокойствия державы, матушка Марфа, престолу надобен наследник, – приосанившись, огладил бороду на груди боярин Третьяков. – Наличие прямого законного наследника есть твердая уверенность для всего света, что смуты новой более никогда не случится. Намучились люди православные за последние десять лет с избытком и теперича уверенности жаждают! Наследник трону надобен, и чем скорее, тем лучше. А без жены, известное дело, государю родить трудно...

– И ты туда же, боярин... – укоризненно покачала головой инокиня.

– Я дьяк Посольского приказа, матушка, – развел руками Петр Алексеевич. – По месту своему превыше всего об интересах державных пекусь. Царствию нашему надобен наследник, матушка. Прости.

– Эх вы слитно как речи ведете, – покачала головой монашка. – Нечто сговорились?

– Тут и сговариваться ни к чему, матушка, – чуть склонил голову боярин Третьяков. – Михаил Федорович Земским собором на трон возведен, дабы новую законную династию на Руси нашей утвердить, все споры прежние отринув. Планы сии самое время воплощать! А покуда государь сомнениями любовными томится... Мы, матушка, прочие заботы разрешить сможем.

Инокиня Марфа потянулась к самовару, наполнила свой ковшик ароматным, словно индийские пряности, сбитнем и надолго задумалась, прихлебывая горячий напиток. Когда ковшик опустел, взяла пряник, так же неспешно прожевала, снова наполнила ковш. И наконец произнесла:

– Но какая из княжон станет Мише лучшей женой?

– Помилуй, матушка! – опять пригладил бороду боярин Третьяков. – По исконному русскому обычаю государю для выбора жены положено невест на смотрины собирать!

– Про то мне хорошо ведомо, Петр Алексеевич, – согласно кивнула монахиня. – Смотрины невест мы, конечно же, проведем. Но сперва надобно решить, каковую из них мой сын себе изберет?

22 сентября 1616 года

Село Дмитровка, окрестности Коломны

День в усадьбе боярских детей Хлоповых тянулся так же, как всегда: холопы возили с дальних лугов сено, плотно забивая его под кровлю двух стоящих углом домов и хлева – так и в избах теплее, и скотину кормить проще, если вдруг из-за непогоды али дел каких неотложных корма подвезти не получится; дворовые девки мяли лен, пристукивая его между сточенными на угол бревнами, бабы постарше таскали воду, мелкая ребятня лущила горох. Кто-то нес на реку белье полоскать, кто-то колот дрова, кто-то буртовал за плетнем репу. В большом хозяйстве работы хватало на всех.

Боярская дочка помогала на кухне. Не столько трудилась, понятно, сколько за расходом присматривала. Как крупу закладывают, как сало режут, как хлеб замешивают. Будущей хозяйке надобно сызмальства к делу своему привыкать. Здесь, возле горячих печей и кипящих котлов, Мария перегрелась, зарумянилась, распустила ворот рубахи, сдвинула на затылок платок. И когда мальчишка-подворник кликнул ее в горницу – такой и побежала, с ходу распахнув створку.

– Звал, батюшка?

За столом, возле бочонка с хмельным медом и двумя мисками с квашеной капустой и солеными грибами сидели двое бояр. На стоящей у стены лавке развалился боярский сын Иван Хлопов – большеносый, крупногубый, бритый наголо и в бархатной тафье на макушке, в простеньком зеленом кафтане с каракулевым воротником поверх серой косоворотки из домотканого полотна. А вот у стола жадно пил из липового ковша смуглый и длинноносый боярин, с густыми рыжими бровями и длинной, узенькой русой бородкой.

Уже через миг девочка сообразила, что видит незнакомца, испуганно пискнула и шарахнулась обратно в коридор.

– Поздно, красавица, я тебя заметил! – громко засмеялись в горнице. – Выходи, не стесняйся, Мария свет Ивановна, покажись дядюшке своему любимому!

Девочка глубоко вздохнула, поправила платок, завязала ворот, одернула сарафан и вошла в горницу снова, уважительно поклонилась:

– Хлеб-соль вам, бояре, и дня хорошего! Звал меня, батюшка?

– Ай, хороша! Ай, красавица! – успевший осушить ковш боярин в расшитом цветной нитью кафтане поднялся из-за стола, сделал два шага вперед. Прищурился, разглядывая

девушку: – Ай, лебедушка дивная у тебя, Ванька, выросла, просто глаз не отвести! Черноброва, кареока, ушки резные, лик точеный, шея лебединая, стройный стан...

– Батюшка? – насторожилась Мария, какую рассматривали со всех сторон, словно скормошьего медведя на торгу.

– Нечто ты меня вовсе не помнишь, девица? – Обойдя боярышню кругом, русобородый боярин вернулся к столу и зачерпнул ковшом еще меда. – Шесть лет тому назад на свадьбе Александра Григорьевича виделась, разве забыла?

– Это для тебя, Ваня, шесть лет недавно случилось, – вмешался с лавки боярин Хлопов. – А для Марии сие треть жизни. Ей тогда десять лет всего было. Она с детьми другими тогда играла, а не на дядек чужих тарасилась.

– Шесть лет, – выпив меда, утер лицо и бороду гость. – Что же мы так долго не встречались-то, братишка?

Иван Иванович пожал плечами и развел руки:

– Выходит, нам лихо повезло, что у дочки твоей ныне возраст аккурат для замужества.

От таких слов Марии стало по-настоящему страшно. Она бросила взгляд на отца и жалобно взмолилась:

– Батюшка-а?!

– Да не пугайся ты так, ладушка наша, – засмеялся гость. – Не за меня тебя сватать станем, а за государя нашего Михаила Федоровича. А он собою хорош, юн да пригож. Со мною и не сравнить!

– Батюшка-а?! – на этот раз с изумлением простионала девица.

– Государь наш, доченька, объявил намерения, что жениться желает, – наконец поведал своему ребенку боярин Хлопов. – И для сего дела объявил в Москве смотр невест.

– Как о сем в столице объявили, так мы с Александром и вспомнили, что у нашего брата двоюродного доченька должна быть на выданье! – объявил гость. – Я поднялся в седло, дал шпоры своему Серому... И вот я здесь! И вижу, что скакал не зря. Ты очаровательна, как сама Купава! Так что собирайся!

– Батюшка? – в четвертый раз спросила отца Мария.

– Съездишь в Москву погостить, доченька, – улыбнулся боярин Хлопов, – с бабушкой познакомишься да с дядьками двоюродными, столицу посмотришь, по торгу погуляешь. Себя покажешь, на других посмотришь... Отчего бы и не прокатиться, коли повод хороший нашелся?

– С тобой, батюшка?

– Ты же знаешь, милая, до Юрьева дня из усадьбы не вырваться! – покачал головой ее отец. – Оброки собрать, подати отправить, закупы пересчитать, погреба заполнить. Одно продать, другое поменять, лишнее отделить. Нам с матушкой ныне не вырваться.

– Так давай тогда после Покрова поедем!

– После Покрова вы разве только на свадьбе государевой погулять поспеете, – мотнул головой гость. – На смотрины же вот прямо сейчас отправляться надобно!

– Нечто ты и вправду веришь, что я в царские невесты могу выбиться, дядюшка? – наконец-то обратилась к гостю девочка.

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – пожал плечами боярин. – И потом, племянница, ты же не заставишь меня скакать полных два дня, с утра до вечера, безо всякого смысла?

– Так и не нужно...

– А я уже прискакал! – расхохотался гость и зачерпнул еще хмельного меда. – Так что оправдываться поздно. Ты едешь в Москву! – И столичный гость повторил: – Не впустую же я сотню верст мчался, с седла не слезая?

У боярина явно начинал заплетаться язык. Похоже, он и вправду здорово устал. А густой хмельной мед после долгой тяжелой дороги – не лучшее угощение.

– Ты поедешь не одна, доченька! – Боярин Хлопов поднялся, подошел к столу. Но потянулся не за ковшом, а за капустой; прихватил большую щепоть и положил в рот. С громким хрустом прожевал. – Чай не сиротинушка ты одинокая! Ты из семьи большой да дружной происходишь. Тебя проводит дядюшка Иван Григорьевич, встретит дядюшка Александр Григорьевич, о тебе станет заботиться бабушка Федора. Вся семья бояр Желябужских. Тебе не о чем беспокоиться. Познакомишься с родичами, посмотришь Москву, покажешься при дворе. Пред очами царскими предстанешь! Глядишь, и запомнит...

* * *

Собрать юную деву в дальний путь получилось не так уж и быстро. Требовалось уложить наряды и украшения, подарки для родственников. Свою постель – лишней мягкой перины в гостях может и не найтись, шитье, иконы, полотно. Сверх того, понятно, съестные припасы для хозяев и слуг, овес и сено для лошадей. Не покупать же в дороге или столице, коли своего в достатке имеется? И еще несколько возков с репой, огурцами, копченым мясом, вяленой рыбой, зерном, капустой. Частью – родичам в подарок. Частью – на московский торг. Отчего не воспользоваться такой возможностью, коли все едино обоз снаряжается? В столице, знамо, цену раза в полтора, а то и вдвое можно взять супротив окраинной. Еще надобно наставление от духовника получить – как же без этого? Службу в церкви отстоять, могилам дедовым поклониться, в бане вымыться...

Как ни спешили бояре Хлоповы, но обоз из шестнадцати высоко груженных телег выкатился из ворот усадьбы токмо двадцать девятого сентября. Никаких кибиток или колясок у бояр Хлоповых не имелось, и потому Мария, наряженная в сафьяновые сапожки и бархатный сарафан, поверх которого лежал парчовый охабень⁵ с горностаевым воротом, с набитым ситцевым платком на волосах, который утепляла пушистая бобровая шапка, уселась на первой возок поверх мягкой перины, накрытой рогожей и с подушками в мешковине по бокам – оказавшись благодаря тому по высоте наравне с дядюшкой Иваном Григорьевичем.

Там, на верхотуре, девица и раскачивалась на пологих кочках все пять дней размеренной дороги – пока поздно вечером четвертого октября телеги наконец-то не въехали на подворье боярских детей Желябужских в Земляном городе, в проулке возле Чертольской улицы⁶.

Путники приехали так поздно, что встречали их московские подворники с факелами и слюдяными фонарями, а коней слуги распрягали чуть ли не наощупь.

Впрочем, лошади были не девичьей заботой. Холопы помогли Марии спуститься, передали на руки незнакомых девок. Те увели гостью куда-то в глубину сумрачного в ночи дома, поставили перед узкоглазой и желтолицей бабкой с торчащими из-под темного платка розовыми патлами.

– Проголодалась с дороги, девочка? – прошамкала старуха, жутко похожая на ведьму из старой былины, и оценивающе провела пальцами по щеке Марии.

От испуга путница не смогла проронить ни слова.

Ведьма кивнула девкам, те отвели гостью по коридорам куда-то вниз, посадили за стол, поставили ковшик и блюдо с пирогом.

– Кушай... – плотоядно попросила ведьма и отступила во тьму.

Несмотря на страх, отказываться Мария не стала – уж очень желудок за день подвело. Съела три больших куска пирога с брусникой и яблоками, сдобренными цветочным медом, запила густым киселем – и девочку почти сразу сморило. Она сдалась усталости, опустив

⁵ Охабень – длинная и широкая верхняя одежда.

⁶ Ныне – ул. Пречистенка.

голову, вяло позволила отвести себя в другую светелку, раздеть, утопить в перине и накрыть одеялом...

Всю ночь ей чудился густой, дремучий лес, хватающий корявыми ветками за рубаху, за подол и ворот, снилось утробное уханье сов и полет над самыми кронами огромного трехголового змея, что охотился именно за ней, Марией, дабы спалить своим огнем. Она это знала совершенно точно и потому бежала, пряталась, залезала под лапник и большие листья ревеня – но крылатый змей не отставал и все кружил, кружил, кружил, громко щелкая зубастой пастью размером с целую избу...

– Вставай, милая... Просыпайся... В баньку пора, горячая уже...

Мария вздохнула, повернулась на спину, не без труда разлепила веки и улыбнулась:

– Бабушка Федора...

При свете дня глаза у старушки оказались не узкие, а с добрым приятным прищуром, лицо круглое и светлое, волосы седые, и голос вовсе не шамкающий, а глубокий, с приятной бархатистостью.

Все же темнота и красный свет масляных ламп меняют облик человека до неузнаваемости!

– Узнала, внученька? – протянула к ней руки престарелая боярыня, крепко обняла и поторопила: – Пойдем попаримся. Вечером-то не успели. Зато ныне и каменка раскалена, и воды вдосталь. Охабень на рубашку набрось, и пойдем!

В просторной бане они оказались вдвоем. Правда, хмельные запахи да лежащие местами березовые листья подсказывали, что женщины пришли сюда отнюдь не первыми. Ну да какая разница?

Бабушка Федора, настолько худенькая, что под тонкой морщинистой кожей проглядывали все кости, неожиданно крепкой рукой взяла гостью за плечо, вывела на светлое пятно под затянутым промасленным полотном окном, медленно повернула и улыбнулась:

– А ведь ты, Мария, хороша! Чиста, телом ладна да красива. Кто знает, может статься, и повезет? А уж коли еще и можжевельным веником попарить, так и вовсе глаз будет не оторвать! Ладно, чего стоять? Пошли в парилку, погреемся.

Хорошо распарившись и трижды ополоснувшись, бабушка с внучкой перешли в трапезную, откушали щей и запили их горячим сбитнем, после чего боярыня Федора налила гостье серебряный стаканчик хлебного вина⁷, прозрачного, как березовый сок, и едко пахнущего анисом:

– Пей! Для пущей красоты сие на пользу. Кожа розовее станет да лицо сочнее.

– Разве уже смотрины, бабушка?

– До них еще далеко! – отмахнулась старушка и решительно приказала: – Пей!

Девочка послушалась – и три дворовые девки, словно только и ждали этого момента, тут же кинулись на нее, быстро переодели из льняной рубахи в нечто невесомое, с французскими кружевами. Старательно расправив ткань, сверху облачили в темно-зеленый бархатный сарафан. В несколько рук расчесав волосы, заплели косу, на запястьях застегнули тяжелые серебряные браслеты с яркими окатыми самоцветами, на плечи опустили широкое плетеное оплечье.

– Откуда сие, бабушка? – шепотом удивилась Мария нежданным сокровищам.

– Поноси, от них не убудет, – ответила боярыня Федора.

Сапожки, платок, охабень. Незнакомая соболья шапка с пером и большущим яхонтом во лбу, несколько перстней на пальцы – девочка больше не спрашивала и не возражала. У нее шумело в голове, и она никак не могла собрать взгляд на каком-то отдельном предмете.

⁷ Хлебное вино – по современным понятиям это самогон.

Впрочем, с этого часа Мария перестала быть девочкой. Служанки вплели ей в косу фиолетовую атласную ленту с жемчужным наконечником. Это означало, что отныне боярышня являлась не просто красавицей, а красавицей на выданье. Мария стала девушкой.

Тем временем ее бабушка тоже нарядилась в вельветовый с парчовым поясом сарафан, сразу будто раздавшись в теле, застегнула горностаевую душегрейку, став еще шире, приняла на плечи рысью шубу, окончательно преобразившись из худенькой старушки в дородную боярскую дочь.

– Проща! – повела она пальцем, и дворовая девка быстро наполнила стаканчики на столе хлебным вином. – Давай, племянница. Мне для храбрости, тебе для красоты.

В голове Марии зашумело еще сильнее. Теперь она помышляла токмо о том, чтобы не потерять равновесие и... И чтобы не стошнило.

По счастью, когда бабушка и внучка вышли на крыльцо, влажный холодный воздух, ударив в лицо и наполнив грудь, взбудрил девушку. Тошнота почти отпустила, голове стало легче. Но Мария все равно ощущала себя сильно не в порядке и потому всю дорогу смотрела только под ноги, на плотно подогнанные доски тесового настила, идущего вдоль улицы вплотную к стенам и заборам.

Сперва были доски-доски-доски, берегущие ноги горожан от вязкой размокшей глины внизу, затем мост, ворота – и дубовые плашки на всю ширину улицы. Еще примерно полчаса пути – снова мост, снова ворота. Бабушка с внучкой прошли еще две сотни шагов, боярская дочь Федора постучала в окованные медью двери:

– Бояре Хлоповы мы! На царские смотрины!

Девушка вздрогнула, подняла голову, но толком ничего рассмотреть не успела: двери открылись, гости вошли в просторные, но темные сени, тут же повернули на узкую лесенку, поднялись на второй этаж, опять повернули и оказались в просторной зале с резной колонной в центре. Здесь уже находилось с десятков девушек. Иные стояли обнаженными, иные неспешно одевались.

Марии стало не по себе – но бабушка твердо вела ее вперед, к собравшимся у края одного из столов монашкам.

– Да пребудет с вами милость господа, матушки, – чуть поклонилась старушка. – Хлоповы мы, дети боярские из Коломны. Мария вот у нас на выданье... Токмо вчера приехала.

– Пусть раздевается, коли так... – обернулись на новую невесту сразу несколько послушниц.

С помощью бабушки Федоры боярская дочь Хлопова избавилась от одежды. Стыдливо прикрывая руками грудь и низ живота, направилась к инокиням. Те тут же развели ее руки, стали смотреть и щупать за все места, заглянули в рот, в глаза, потыкали пальцами в зубы, больно и сильно дернули за косу.

– Вы чего делаете?! – не выдержав, вскрикнула девушка.

– Не блажи, – хмуро посоветовала из-за спины монашка. – Иные конский волос в косу для пушей пышности вплетают, иные чужую прикалывают. А ты...

Мария ощутила, как подергали еще, но уже не так сильно.

– Ты пригожа и без изъянов. Даром что худородна. Ну да то не нам решать. Одевайся.

– Так меня берут? – не поняла Мария.

– Да кто же сие знает? – усмехнулась другая послушница. – Вас много, а государь один. Сердцу не прикажешь. Кто же знает, кого он выберет?

– Пригожа, без изъянов... Пригожа, без изъянов... – радостно шепча, отвела ее в сторону бабушка Федора и стала расправлять нижнюю рубаху. – Ай, милая, ты гляди, как оно выходит! Пригожа, без изъянов... Не зря, выходит, ехала! Да ты одевайся, милая, чего стоишь? В следующий раз девок надобно с собою взять.

– Какой следующий раз? – не поняла Мария.

Ее многоопытная бабка только вздохнула и покачала головой.

* * *

В первый день после осмотра монашками и повитухами Мария до глубокой ночи мучилась животом и головной болью, но уже на рассвете снова стала бодрой и веселой. Посему неизменно деятельный дядюшка Иван Григорьевич позвал ее гулять и полдня показывал гостю Москву: сады замоскворечья, купола и стены древних монастырей, скомороший рай на Красной площади.

Москва сверкала чистой, даже девственной белизной. Ведь прошло всего три года после избавления от польской напасти! Во время осады и штурма ляхи полностью выжгли Китайгород, а царская армия князя Трубецкого разобрала много построек на осадные укрепления. Что-то оказалось порушено в боях, что-то – попорчено своими и польскими воинами, не особо ценящими чужое добро. Посему столица отстроилась заново почти целиком – и свежие постройки, новенькие тыны, только что срубленные дома и недавно набранные из осинового дранки луковки возрожденных церквей белели влажной еще древесиной, пахли смолой и хвоей, восхищали свою чистотой.

Иван Григорьевич позволил племяннице вдосталь полетать на огромных качелях – под одобрительный посвист многих добрых молодцев; поест куличей и пирогов, разносимых вездесущими юными девицами и крепкими коробейниками, запить это сбитнем и вином. Вернее, ковш ароматного вина выпил сам боярин, поделившись с племянницей только несколькими глотками.

Они заглянули в балаган, посмеялись над танцующим медведем, полюбовались красочными лубками, подивились на двугорбого верблюда – прокатиться на нем за две копейки девушка все-таки побоялась, после чего, уставшие и довольные, они вернулись на подворье.

В чужом доме дел у Марии не имелось, следующие два дня подряд она сидела у окна и вышивала цветным египетским бисером нарукавники. Свои. Ибо серебряных самоцветных, как у бабушки, у нее не имелось.

Окно, как водится, затягивала тонкая промасленная ткань. Свет и звуки она пропускала хорошо, а вот увидеть хоть что-то снаружи не позволяла. И распахнуть створки тоже никак нельзя – на улице каждую ночь подмораживало, так что тепло стоило поберечь.

В одиночестве девушка быстро заскучала. И потому, услышав утром третьего дня, что дядюшка Александр Григорьевич собирается по делам в город, напросилась с ним.

Москва боярского сына Александра Желябужского – круглолицего и упитанного, с широкой и короткой окладистой бородой – оказалась совершенно непохожей на Москву его брата Ивана. По тихой набережной Москвы-реки, по берегам которой лежали вытасченные на зимовку струги, ладьи, лодки и ушкуи, вдоль пустых заиндевевших причалов Яузы, они дошли до сложного из серых валунов Андронникова монастыря, с высоты Поклонной горы смотрящего на город черными жерлами пищалей и тюфяков через узкие пушечные бойницы.

В этой мрачной холодной твердыне Мария и Александр Григорьевич отстояли обедню, причастились и исповедались. Боярин оставил небольшой вклад на восстановление обители, после чего они вместе с девушкой отправились на местный торг, показавшийся гостю столь же мрачным, как нагорная обитель. Никаких скоморохов, качелей, лотошников – только прилавки с железом, котлами да всякой конской справой.

Здесь боярин затарился целым мешком гвоздей и скоб, двумя стамесками и молотом, с легкостью забросив полтора пуда товара себе за плечо, на углу молча купил брусок рыхлой синеватой халвы и сунул кулек с нею девушке, хмуро предложив: «Угощайся, племянница», после чего теми же тихими узкими проулками они отправились обратно на подворье.

Третью Москву Мария увидела спустя четыре дня, покинув подворье с бабушкой и двумя спешащими позади девками. Это оказался город маленьких церквушек, стоящих на перекрестках улиц. Боярская дочь Федора посетила сразу три – пахнувшие внутри ладаном, гарью и воском, каждая размером всего лишь с избу-трехстенки. Эти храмы не имели иконостасов и смотрели на прихожан суровыми ликами икон, висящими прямо на грубо окоренных бревнах стен.

Помолившись понемногу в каждой, словно бы надеясь сложить воедино заступничество нескольких святых, и раздав на паперти по десять копеек мелкими новгородскими чешуйками, боярыня Федора направилась на торг. Шумный, тесный, пахнувший грушами, медом и пряно-стями. Здесь продавали курагу и изюм, финики и орехи, мед и сушеные яблоки, гвоздику, анис, корицу, мак, горчицу и хрен, пастилу, халву, цукаты, левашу, густую тягучую патоку...

В этот раз, просто спеша за бабушкой, Мария напробовалась сластей так, что рот перестал открываться, слипаясь от карамельной сладости. Девки же тяжело нагрузились берестяными коробами – хозяйка взяла немного того, немного другого, немного третьего. Пока прошли ряд до конца, корзины в руках служанок оказались полны до самых краев.

На долю девушки достался небольшой бочонок меда. Бабушка Федора взяла два – липовый и цветочный. Один доверила гостье, второй легко забросила себе на плечо. И хотя скоморохов и качелей в этом путешествии не встретилось, Мария вернулась на подворье очень довольная прогулкой. Правда, на будущее решила все же гулять только с Александром Григорьевичем. Но уже через день бабушка Федора запретила ей вставать с постели, принеся прямо в опочивальню графинчик с хлебным вином и ножку тушеного гуся с толстой прослойкой жира под шкурой:

– Вот выпей и поешь. Тебе к завтраму заплывать надобно, округлиться. Для красоты.

– Смотрины?! – приподнялась Мария.

– Почти. Всех отобранных повитухами девок матушка царская самолично осматривает. Грамотку вчера вестник принес. Ты выбрана, ты без изъянов. Лежи, стало быть. Я еще одно одеяло принести велю. Парься...

Этот день стал самым ужасным в жизни юной Марии Хлоповой. Все время от рассвета до заката, вставая токмо по нужде, она провела под двумя жаркими ватными одеялами, выпивая каждый час по стаканчику едкого и крепкого вина и заедая либо гусятиной, либо пропитавшейся жиром квашеной капустой, в которой он тушился. Девушку мучило, в голове стоял туман, но приходилось терпеть. Красота требует жертв.

После столь мутного дня красавица всю ночь ворочалась с боку на бок, так и не заснув, зато утром встала румяная, щекастая, с рыхлой розовой кожей. Что называется – кровь с молоком, настоящая прелестница. Есть на что посмотреть!

Вот только ощущала Мария себя так, словно ее саму набили ватой – как те одеяла, под которыми пришлось провести столько времени. Ноги двигались с трудом, плеч девичья не ощущала, в ушах стоял постоянный гул, в голове кружилась пустота.

Так, почти не понимая происходящего вокруг, она и пришла второй раз в Вознесенский монастырь – снова оказавшись в трапезной в окружении обнаженных и полуодетых юных девиц. Но в этот раз обнаженных «невест» уводили куда-то по одной, набросив на плечи дорогие шубы.

Раздевшись и закутавшись в охабень, Мария ждала своей очереди, наверное, с час. Наконец бабушка взяла ее за плечи, подняла, повела – и вскоре девушка распрямилась перед двумя престарелыми инокинями, удивительно похожими друг на друга круглыми лицами, морщинистой кожей и гордой осанкой, весьма странной для скромных монашек.

– Боярская дочь Хлопова, – задумчиво проговорила одна. – Не помню...

– Коломенские мы, – торопливо сказала бабушка Федора. – Древнего рода, еще князю Дмитрию Долгорукому служили.

Монашки обошли Марию кругом, оглядывая и легонько трогая руками. Девушка зажмурилась в ожидании, но в этот раз за косу ее дергать не стали. Вестимо, всех, кто с этим хитрил, изгнали после первого же смотра.

– Хороша, прямо глаз отдыхает! – признала одна инокиня. – Не то что Аглая Трубецкая, криворотая и с бровями наискосок.

– Трубецкую отчислить нельзя, она племянница Спасителя Отечества! – возразила вторая послушница.

– Одна племянница, другая княжна, третья подруга. Мы красавиц выбираем али места за столом делим? Тут не на рода, тут на косы да на зубы смотреть надобно... Зубы покажи, – уже к Марии обратилась монашка. – Ты посмотри, Марфа, чистый жемчуг!

– Вот токмо благонравна ли сия красавица? – задумалась инокиня. – Ну-ка, девица, символ веры прочти!

– А? – растерялась Мария.

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, творца небу и земли, видимым же всем и невидимым... – подсказала монашка.

– Господи, спаси помилуй и сохрани грешную рабу твою... – торопливо перекрестилась боярская дочь.

– И какая из нее царская невеста, коли она даже веры православной не ведает? – повернулась монашка к подруге.

– И на что тебе ее вера, Марфушка, коли в царские жены ты один ляд Анастасию Мстиславскую назначила? – возразила вторая. – Зато дочь сия вельми красива. Выйдет на смотрины, будет хоть на кого-то с радостью посмотреть, а не токмо на княжон криворылых. Ты, вон, у жемчугов веры не требуешь. Токмо радуешься, как красотою блестят. Вот пусть и она ожерельем округ Анастасии избранной поблестит. А что веры не ведает, так ведь помолчит немного, токмо и всего.

– Богохульница ты, Евникия, – тяжело вздохнула первая монашка. – Веры христовой вовсе не чтишь.

– Кабы болтала много, была бы богохульница. Но ведь я о материях сих великих больше молчу... – возразила матушка Евникия.

– Ступай, жемчужинка, – кивнула матушка Марфа. – Послезавтра к заутрене к Успенскому собору явись. Там посмотрим.

От разговора монашек по спине Марии пополз неприятный липкий холодок, в хмельной голове прояснилось. Она невольно распрямилась, неуверенно облизнула враз пересохшие губы.

«Как же так? Но ведь это бесчестно! Почему?!»

Правда, вслух все это она произнесла только за дверью кельи:

– Как же так, бабушка? – пробормотала Мария. – Они уже все порешили! Они выбрали царицей Анастасию Мстиславскую! Как это, почему? А смотрины? А царская воля? Это же бесчестно!

– Ну, внученька... – престарелая Федора заметно понурилась. – Так уж оно... Устроено...

– Зачем же тогда все это?! Зачем я сюда ехала? Зачем все эти мучения?

– Ну, внученька... – накинув на плечи девушки охабень, пожилая боярская дочка подбила его на плечах. – Все же ты лучшей из лучших оказалась. Красавица без изъянов. О том ведь слава по всему свету пойдет. Лучшие женихи после успеха такого к тебе свататься начнут, только выбирай. А иной раз случалось, прямо на смотринах половину красавиц князья знатные расхватывали. Разве тебе не хочется жениха завидного, знатного да богатого?

Но липкое, противное, похожее на пот ощущение уже расплзлось по телу красавицы, и утешения бабушки совершенно прошли мимо ее сознания.

Остаток дня Мария провела в постели, терпеливо дожидаясь, пока из головы выветрятся остатки хмеля, и снова, раз за разом переживала услышанное.

Когда промасленное полотно в окне совершенно почернело, в опочивальню вошла худенькая хозяйка, одетая в одну лишь полотняную рубашку.

– Вставай, внученька. Банька протоплена. Для тебя ныне это аккурат то, что надобно.

– Я больше никогда не стану пить вина, бабушка, – ответила ей девушка. – Все это так мерзко...

– Послезавтра тебе надобно идти на смотрины, – тихо напомнила бабушка Федора.

– Царицей все равно станет княжна Мстиславская, – приподнялась девушка. – Чего ради стараться?

– На людей посмотреть, себя показать, – пожала плечами шуплая старушка. – Ты же первая красавица державы! Ее лучшая жемчужина! Грех от такой чести уклоняться.

– Но вина пить не стану! – решительно мотнула головой девушка и тут же поморщилась от приступа тошноты. Тихо закончила: – К чему мне за красотой гнаться, коли все едино не изберут?

– Однако на смотрины ты пойдешь? – осторожно переспросила старушка.

– В Кремль... Одной из избранных красавиц... – Мария слабо улыбнулась. – Знамо пойду! Не царицей, так хоть жемчужиной.

– Вот и умница, – облегченно перевела дух бабушка Федора. – А теперь в баньку. Кваску выпьешь, на полке пропаришься, сразу дух хмельной и отпустит.

* * *

Выстеленная поверх дубовых плашек от великокняжеского дворца до дверей Успенского собора длинная шерстяная дорожка алела ярким пурпуром. На кошму, предназначенную для самого государя, казна дорогой краски не пожалела.

Вдоль красной ленты с обеих сторон выстроились многие сотни людей. И это тоже была выставка роскоши и драгоценностей: бобровые и собольи шапки, песцовые и куньи воротники, крытые роскошной парчой шубы, усыпанные самоцветами широкие оплечья и толстые золотые цепи, браслеты, перстни...

Первые красавицы державы выстроились в первом ряду – в вышитых золотом опашнях⁸, пушистых шапках, из-под которых сверкали височные кольца и серьги, на шеях переливались жемчужные ожерелья. Мария тоже стояла здесь, среди знатных красавиц, ловя на себе взгляды многих мужчин и женщин. Пусть и не самая роскошная, но тоже сверкающая самоцветами и серебром, тоже с родственниками за плечами, всегда готовыми защитить или поддержать, но на сей раз – бодрая и с ясным рассудком. А что розовощекая и жарко дышащая – так это просто от волнения.

– Государь, государь! – побежал по рядам тревожный шепоток.

Со стороны крыльца послышались шаги – и все стоящие возле пурпурного пути люди почтительно склонили головы.

Царская свита неспешно прошествовала мимо самых знатных людей великой державы. Мария, даром что стояла на самом лучшем месте, увидела только дорогие пояса, подола шуб и зипунов и мелькающие под ними цветные сапоги. Хоть и оказался Михаил Федорович всего на удалении руки, а все равно что за каменной стеной прогулялся. Рук – и то не разглядела.

Государь вошел в собор, все остальные люди поспешили за ним. Князья, знатные бояре, дьяки и подьячие, воеводы и епископы – боярским детям нашлось место только у самых дверей, у дальней стены, откуда разглядеть происходящее у алтаря оказалось невозможно.

⁸ Опашень – разновидность охабня; верхняя летняя одежда.

Марии стало от этого немного грустно – но не более. Невестой государя ей ведь все равно не стать, она с сим уже смирилась. Коломенской боярышне хотелось всего лишь побыть немного в царском окружении – когда еще худародной девице честь такая выпадет? Да еще Михаила Федоровича своими глазами увидеть. Но это так – обычное женское любопытство, не более. Повезет – хорошо. А нет – так и ладно. Посему весь молебен «царская невеста» простояла с полным смирением у самой дальней стены, не пытаясь пробиться вперед.

Служба закончилась. Свита вместе с государем покинула собор. Следом медленно потянулись к выходу знатные прихожане. Среди этого неспешного движения к дальней стене протолкалась пожилая монахиня и остановилась перед боярской дочерью Хлоповой. Слабо улыбнулась:

– Вижу, ты скромна, жемчужинка. Место свое понимаешь. Сие есть великое достоинство, ибо пустые скандалы нам всяко не нужны. Третьего ноября утром готова будь. За тобой приедут. Со всем почетом и уважением сюда отправись. Все соседи увидят!

Не дожидаясь ответа, монашка развернулась, но отправилась не к распахнутым на улицу дверям, а к алтарю. Для сестры Божией дом был здесь.

– Убей меня кошка задом! – громко хмыкнул Иван Григорьевич и с силой подергал себя за тощую бородку. – Да ты, племянница, никак последние смотрины прошла! Теперь токмо к царю!

3 ноября 1616 года

Москва, улица Чертольская

– Едут, едут! – Выставленные еще на рассвете мальчишки из дворни со всех ног кинулись в проулк, застучали кулаками в ворота подворья боярских детей Желябужских. – Еду-у-ут!

По широкой улице, ведущей к Новодевичьему монастырю, ухоженной, чистой, выстеленной жердями и с тесовой пешеходной дорожкой по краям, – по этой улице проскакали два десятка рынд в белоснежных зипунах, с топориками в руках и саблями на золотых поясах, верхом на серых длинноногих туркестанцах. Седла были украшены бархатом и обиты золотыми гвоздиками, на уздечках позвякивали звонкие серебряные бубенчики. Все бояре были крепки и широкоплечи, с окладистыми бородками. Как-никак – личная царская стража! Один взгляд восхищение вызывает.

Государевы телохранители натянули поводья возле узкого проулка, с тесовой дорожкой в две доски и земляным, перемешанным с соломой проездом. Шестеро воинов спешили, остальные разъехали чуть по сторонам, зорко поглядывая на быстро сбегающихся зевак.

С небольшим опозданием сюда же подкатилась карета. Не колясочка крытая и не тесовая кибитка – а настоящая карета, с резным кузовом, позолоченными углами и дверцами, бархатными занавесками на больших окнах и запряженными цугом шестью серыми же лошадьми.

– Где здесь невеста царская?! – громко спросил один из гарцующих рынд.

– Здесь она, боярин! Ведем! – Со двора Желябужских первыми вышли братья Александр и Иван: в добротных рысьих шубах и горностаевых шапках, сверкающие перстнями на пальцах и золотыми цепями на шеях. Ради такого случая боярские дети нацепили на себя все ценное, что токмо имелось в доме.

Следом за ними вышагивала в парчовом опашне сама Мария, которую с одной стороны поддерживала под локоть бабушка Федора, а с другой – крепкая дворовая девка, ради такого случая тоже наряженная в зипун.

Вся семья торжественно прошествовала по проулку, поднялась в карету, расселась. Слуги захлопнули дверцу, убрали скамейку, запрыгнули на запятки. Рынды тоже поднялись в седла. Старший громогласно объявил:

– В Великокняжеский дворец!

Карета тронулась с места, с хрустом давя жерди окованными железной полосой колесами.

– Честь-то какая, Мария! – отодвинув занавеску и глядя на изумленных соседей, прошептала боярыня Федора. – Этакого в Москве никто не забудет. Оглядываться на тебя все станут, на улицах узнавать. Сваты завтра же в очередь соберутся. Ниже князя никого даже на порог не пустим!

Спустя четверть часа карета остановилась возле Грановитой палаты. Вышедшие первыми братья Желябужские встретили племянницу, подав ей руки каждый со своей стороны, затем помогли спуститься матушке, проводили царскую невесту наверх по парадному крыльцу, вошли все вместе в сверкающую золотом просторную залу с большими, забранными слюдой окнами.

Здесь уже собралось изрядное число народа. И все сплошь – знать, родовитые князья да бояре. Само присутствие здесь для боярских детей – великая честь и возвышение, на века записанное в Разрядную книгу. Многие будущие поколения благодаря сему случаю старше своих братьев по оружию и службе в приказах считаться станут.

Многие невесты уже находились здесь. Братья Желябужские обратили внимание, что они стоят лишь в сарафанах да шелковых или сатиновых платках – и стали торопливо разоблачать племянницу.

– Мария Ивановна? – поклонился им слуга в ярко-зеленой атласной рубаше, подпоясанный нарядным матерчатым пояском. – Пойдем, я тебе место назначенное укажу.

Само собой, Мария оказалась в самом дальнем, четвертом ряду, почти под окнами. Но на удивление – не крайней. Девиц, прошедших все три отбора, собралось два десятка, и теперь государевы холопы старательно выстраивали их по достоинству по пять красавиц в ряд. И в своем, четвертом, боярскую дочь Хлопову слуги поставили второй. Выходит – целых три «невесты» уступали ей знатностью!

Впрочем, утешение из этого выходило слабое. От стены разглядеть происходящее в палате получалось плохо. Даже услышать – ибо шелест одежды многих десятков людей и их тихое перешептывание поглощали слова, произносимые у трона или от входных дверей. Одно только было понятно: когда князья приходили в движение, резко замолкали или начинали гомонить – это означало, что что-то произошло.

Вот по собравшимся людям прокатилась очередная волна, в сияющей золотом палате наступила тишина. Затем впереди между рядов наметилось какое-то движение. В одну сторону, в другую... Там, между вторым и третьим рядами девушек двигался кто-то в золотой ферязи, в сопровождении еще двух бояр. Прошел до конца, обогнул крайнюю «невесту», оказался перед четвертым рядом. Задержался возле первой девушки. Сделал шаг к боярской дочери Хлоповой...

Не удержавшись, Мария чуть приподняла подбородок, исподлобья глянув на молодого царя. Тот оказался худощавым и светлым, словно ангел, юношей с ясным и чистым голубым взглядом, со слабой улыбкой на бледных губах. Из-под парчовой тафьи выглядывали русые вихры, тонкая шея пряталась за высоким стоячим воротом ферязи.

Взгляды «жениха» и «невесты» неожиданно встретились, отчего Марию резко бросило в краску, она торопливо опустила голову, потупила взгляд и одними губами прошептала:

– Прощения просим, государь...

Михаил Федорович немного задержался перед нею, потом двинулся дальше. Мария рискнула снова поднять голову и посмотреть ему вслед. Юный правитель всея Руси чуть приостановился перед третьей девицей. Сделал шаг дальше. Затем еще. А потом вдруг оглянулся – и его голубой взгляд буквально пронзил глаза Марии...

* * *

– Ситникова, Суева, Хлопова, Лишина, Зернова... Такарина, Шилова... – прокрутила свиток инокиня Марфа и бросила на стол. – Одни худородные у тебя среди избранниц остаются!

– Помилуй, матушка, токмо половина. – Евникия, стоя в просторной келье своей подруги, размашисто перекрестилась на висящую в углу икону.

Хотя, конечно, называть сию горницу кельей можно было с большим трудом. Скромная инокиня Марфа расположилась в Вознесенском монастыре сразу в пяти комнатах, имея свою опочивальню – с периной на постели, коврах на полу и кошмами на стенах; горницу для работы – с большим столом, полными книг сундуками и шкапами; людскую комнату для прислуги, в которой проживали верная Полина и еще две трудницы; свою отдельную трапезную и еще комнату для разных припасов.

Ради новой монашки матушке-настоятельнице пришлось изрядно потесниться, но куда денешься, коли твоя послушница является матерью русского царя и женою православного патриарха? И коли она постоянно делами державными занимается, принимая у себя дьяков, воевод, князей, а порою – и иноземных послов? Тут хочешь не хочешь, даже собственными покаяниями делиться приходится.

Глядя на подругу, матушка Марфа тоже перекрестилась и указала на свиток:

– Княжну Трубецкую ты все-таки вычеркнула?

– То не я, – продолжая кланяться иконе, отреклась от решения инокиня Евникия. – То повитуха отказала. Сказывает, бедра у нее узкие, рожать тяжело будет. По чадородию и отвела.

– Это какая такая повитуха? – прищурилась царская мать.

– Повитуха и повитуха, – пожалала плечами ее подруга. – Кто же их всех упомнит-то?

– Княжна Оболенская... – снова потянулась к свитку инокиня Марфа.

– По возрасту, – кратко ответила монашка.

– Скопины... Пронские... Ты хочешь поссорить меня со всеми княжескими родами?!

– У нас же смотрины невест, матушка, а не родословных! Что люди скажут, коли в невестах кривобокие да косоглазые окажутся? Помыслят, девки ладные на Руси перевелись али повитухи честные?

– Ох, подведешь ты меня, Евникия, под монастырь... – снова просмотрела свиток царская мать.

– Куда-а?! – забыла про молитву ее подруга.

– Туда... – мрачно ответила инокиня Марфа. – Опять споры да жалобы начнутся.

– Пусть лучше про отборы жалуются, матушка, нежели на смотрины! А ну, прямо в соборе скандал какой учинят? Худородные девки место свое знают, избрание княжны Мстиславской примут со смирением, как должное. А Шуйские, Горчаковы али Волынские наверняка споры затеют, что не там поставили, неверно посмотрели, про сговор обязательно помянут... Оно тебе надобно?

– Ладно, сестра, будь по-твоему, – решила царская мать, макнула перо в чернильницу и поставила размашистую подпись. – Анастасию в терем великокняжеский уже поселили?

– Крышу перестилают, – ответила инокиня Евникия. – Михаил сказывает, дожди затянулись. Вот ко сроку и не успели. Но завтра уже закончат. А твой Миша как? Ждет?

– В беспокойстве сыночек, – тепло улыбнулась монашка. – Про «Куранты» более и не поминает. Иным все помыслы заняты. Боюсь, ныне ночью и спать не сможет. Смотри все ждет, не терпится ему...

* * *

Михаил и вправду не спал всю ночь в тревожном ожидании. Он волновался перед смотрами ничуть не меньше самих невест. Ведь та девушка, на которую он укажет, станет его женой на всю оставшуюся жизнь! Его половиной, матерью его детей. Той, каковая разделит его любовь навсегда. Навсегда – это очень страшное слово, если на выбор отводится всего несколько малых мгновений. Подойти, посмотреть. С первого взгляда оценить. И выбрать свою судьбу на остаток многих лет.

Поутру государь был сам не свой, отвечал слугам невпопад, а за завтраком Михаилу буквально кусок не лез в горло.

– Да не беспокойся ты так, царь-батюшка, – подливая шипучий квас, утешил его Бориска Морозов. – Человек предполагает, Господь располагает. За тебя уже повитухи да мамки с няньками все сделали, лучших девок царствия собрали. Тебе осталось токмо пальцем наугад в какую-нибудь ткнуть. Ты семгу кушать станешь? Нет? Ну, давай тогда я ее приберу да песчариков хрустящих тебе насыплю.

– Тебе хорошо говорить... – передернул плечами юный правитель. – Ты, вон, сам себе голова! Присмотреться можешь. Поболтать, встретиться. Ласковую да добронравную облюбовать. А мне их токмо на миг малый покажут, и все! А ну, злобные окажутся али скучные? По лицу ведь не угадаешь!

– Они, царь-батюшка, покуда в невестах, так все и ласковые, и добрые, – широко ухмыльнулся кравчий. – Норов истинный токмо после венчания открывается. Так что все мы в этом деле равны. Все в руках Божиих. Ты глаза закрой, покружись да пальцем и ткни. А там как повезет.

– Тебе, Боря, все хи-хи да ха-ха! А мне потом жить.

– Это мне с женою жить, царь-батюшка, у нас одна изба в четыре стенки на двоих. А тебе до женской половины полтора часа ходу. Пока дойдешь, забудешь, как выглядит! Каждый день как заново узнавать станешь...

Но тут дверь в царские покои распахнулась, и кравчий осекся, положил себе на тарелку немного заливного, отпробовал, после чего добавил безопасное кушанье на блюдо государю.

В горницу вошли скромная и тихая матушка Марфа, ее верная спутница инокиня Евникия, следом за ними – дородные и рыжебородые Михаил и Борис Салтыковы, одетые в дорогие ферязи и шубы.

– Как ты сегодня, чадо мое? Здоров ли, Мишенька? – первым делом поинтересовалась монашка.

– Благодарю, матушка, хорошо... – Государь поднялся, обнял пожилую женщину и трижды расцеловал.

– Одевайте его, – повелела слугам инокиня, сама же, перекрестившись, стала объяснять: – Княжна Мстиславская будет стоять третьей, Мишенька. Что справа, что слева, не ошибешься. Собою мила, телом чиста, зубы крепкие, коса толстая, бедра широкие, грудь большая. Для чадородия никаких изъянов. Но пуще всего важно, что она из рода Гедеминовичей исходит! Через нее ваши дети права на трон польско-литовский получают. Да и в русской державе ее родство место высокое имеет. Сие семье нашей зело на пользу пойдет... Ты меня слушаешь?

– Да, матушка, – кивнул царь Михаил Федорович, на котором холопы как раз застегивали крючки ферязи.

– Не перепутай, третья она в первом ряду! Но токмо сразу ей ленту не отдавай. Бо оскорбительно сие для всех прочих выйдет и обиды многие породит. Поперва всех невест до последней обойди. Чуток постой, как бы сомневаясь, к первому ряду вернись, на девиц посмотри, да опосля ленту Анастасии и отдавай.

Как ни странно, но самыми очаровательными оказались те, что стояли в третьем ряду, – лучше сложенные, с правильными чертами лиц, с толстыми тугими косами. Юный царь откровенно любовался каждой – однако позволял себе остановки лишь на пару мгновений. Каждой «невесте» надлежало уделить равное внимание и не затягивать смотрины надолго.

Четвертый ряд показался столь же милым. Стройная первая девушка, чуть более фигуристая вторая...

В тот миг, когда Михаил сделал шаг вперед, вторая красавица с чуть смугловатым, аккуратно очерченным лицом внезапно приподняла голову и буквально выстрелила в него ясным карим взглядом, от которого у царя по всему телу резко пробежал колючий холодок.

Девушка стремительно потупила взор, ее щеки тут же заметно зарумянились, губы что-то прошептали. Обаяние красавицы оказалось столь велико, что царь с трудом сдержал желание прикоснуться пальцами к покрытой еле заметным пушком щеке, погладить, ощутить идущее с губ дыхание.

Юный повелитель чуть передернул плечами, стряхивая наваждение, сделал шаг дальше, еще один, еще. И, не сдержавшись, оглянулся.

Взгляды молодых людей снова встретились – и Михаил опять ощутил по всему телу легкий озноб. Но теперь он знал, что означает это чувство. Оно означало разлуку. Вечную разлуку. Государь больше никогда, нигде, ни на единый миг не увидит этой девушки. Он никогда не сможет коснуться ее щеки, пригладить ее волосы, не услышит ее дыхания. Никогда не коснется своими губами этих губ. Как только он сделает шаг к первому ряду – эта неведомая желанная красавица исчезнет из его жизни навсегда.

Навсегда...

Так и не сумев справиться со своим колючим страхом – страхом расставания с желанной, страхом потерять возникшее в душе непонятное, но нежно-сладкое чувство, – государь всея Руси решительно подошел к девушке и не просто отдал ей ленту, а в несколько витков крепко привязал руку чаровницы к своей, громко объявив:

– Я выбираю тебя! – и двумя пальцами поднял подбородок неведомой красавицы, снова заглядывая в карие бездонные очи.

– Царь сделал выбор! Государь выбрал! У нас есть царица!

Вся золотая зала пришла в движение, и двое молодых людей внезапно оказались в центре широкого людского круга. А в стороне от толпы, возле трона, в полный голос закричала монашка:

– Нет! Это не она! Не смей!

По счастью, в общем движении на сие никто не обратил внимания. Князя, бояре, дьяки, знатные гости во все глаза смотрели на выбранную Михаилом Федоровичем прелестницу.

Вперед вышел одетый в золото митрополит Иона, пристукнул посохом:

– Назови свое имя, избранница!

– Мария... – неуверенно ответила девушка. – Дщерь боярская, дочь Ивана из рода Хлоповых.

– Готова ли ты, раба Божия Мария, поклясться в любви и верности рабу Божьему Михаилу и назвать его своим женихом? – спросил иерарх.

– Да, отче, – склонила голову девушка.

– Делаешь ли ты это по своей воле, без корысти и принуждения?

– Да, отче.

– Клянешься ли ты в этом пред лицом Господа нашего Иисуса Христа?

– Да, отче.

– А ты, раб Божий Михаил, клянешься ли ты...

В эти самые мгновения возле трона одна монашка удерживала другую, не давая вмешаться в обручение:

– Что же ты делаешь, Марфа?! Люди увидят... Позор случится, скандал!

– Это все из-за тебя! – внезапно обратила свой гнев на подругу инокиня. – Это ты ее привела! Это ты нагнала девок худародных на смотрины! Ты поклялась, что с ними никаких хлопот не случится!

– Так ведь не они учудили, Марфушка! – попыталась оправдаться Евникия. – Это сын твой ее выбрал, своею волей!

– Не бывать этой свадьбе! – вытянула руку в сторону молодых инокиня Марфа. – Не бывать! А ты... – Она скрипнула зубами. – Чтобы глаза мои больше тебя не видели!

Послушница развернулась и выбежала из золотой залы в тот самый миг, когда митрополит Иона закончил таинство обручения.

Отныне раб Божий Михаил и раба Божья Мария стали женихом и невестой пред Богом и людьми!

Боярин Михаил Салтыков осторожно размотал ленту, что скрепляла руки молодых, и почтительно, двумя руками протянул золотистую полоску девушке:

– Это принадлежит тебе, Мария Ивановна. Твой терем готов и ждет тебя, царская невеста. Позволь проводить тебя в твои покои.

– Сие невместно! – возмутились братья Желябужские, проталкиваясь вперед. – Мы племянницу в чужие руки не отдадим!

– Конечно, бояре, – не стал спорить окольныйчий. – В тереме хватит места для всех.

– Мария... – снова взял невесту за руку государь. – Моя Мария!

– Теперь мы вместе, Михаил Федорович, – слотнув, ответно пожала руку девушка. – Навсегда.

– Но прежде всего невесте надобно переехать во дворец, – многозначительно повторил боярин Салтыков. – Позволь, Мария Ивановна, показать тебе свои покои.

– Увидимся... – пообещал юный царь и наконец-то рискнул разжать пальцы.

– Всегда твоя, мой государь, – склонила голову Мария, повернулась к окольному и решительно приказала: – Веди!

Михаил Федорович проследил за ней взглядом, печально вздохнул – при сем, однако, чему-то улыбаясь, а затем медленно прошел через залу к дверям. Однако мечтательное его настроение длилось недолго. Стоило царю всея Руси перешагнуть порог своих покоев – как к нему стремительно ринулась раздраженная монахиня:

– Миша, ты что натворил?! Я же велела тебе выбрать княжну Мстиславскую!

– Мне понравилась Мария, мама... – растерянно улыбнулся Михаил.

– Но жениться ты должен на Анастасии Мстиславской! – оскалилась послушница и потребовала: – Немедленно пошли рынд в терем и вели худародке выметаться! Скажи, ты ошибся и княжну Мстиславскую выбираешь!

– Мама, мне нравится Мария, – терпеливо повторил государь.

– Блажь это пустая, сын! – повысила голос монашка. – Она тебе не ровня!

– Она мне нравится.

– Не глупи, сын. Отошли ее прочь! Тебе в жены назначена другая!

– Мне любя Мария, и я женюсь на ней! – перестал улыбаться царь всея Руси.

– Я тебе запрещаю! Не бывать этой свадьбе! Не позволю!

– В субботу мы с Марией отправляемся в паломничество, в Сергиеву лавру, – с неожиданной твердостью ответил юный царь. – С благодарственным молебном об обретении друга друга. Ты поедешь с нами, матушка али останешься отдохнуть?

Инокиня Марфа посерела лицом. У нее расширились крылья носа, дыхание стало шумным и горячим.

– Еще посмотрим... сынок... – скрипнула зубами она, обогнула царственного юношу и вышла из царских покоев, громко хлопнув за собою дверьми.

* * *

Расписные потолки, обитые цветной кошмой стены, пушистые ковры под ногами, прозрачные слюдяные окна. Кровати, похожие на ладьи с высокими бортами, глубокие нежные перины и резные столбы, поддерживавшие сатиновые и кружевные полога...

Терем великокняжеского дворца оказался не просто красив. Он был настолько прекрасен, что Марии стало даже страшно! Она боялась прикоснуться ко всему этому, боялась сломать, испортить, запачкать...

– Это твоя опочивальня, избранница, – с широкой улыбкой развел руками рыжебородый царский окольный князь Борис Салтыков. – По правую руку горница для твоей прислуги, по левую – светелка для рукоделия. Там ныне еще ничего нет, прости. Ремонт токмо вчера закончен, бисер, нити, иглы, наборы швейные доставить не успели.

– Мы, стало быть, в горнице расположимся, – решил из-за его спины боярский сын Иван Желябужский.

– Нет, боярин, – повернулся к нему окольный. – Покои родственников невесты по ту сторону коридора, для каждого своя опочивальня с горницей для дворни. Негоже семье будущей царицы в людской общей ютиться, словно холопам безродным! И свиту Марии Ивановне надлежит собрать достойную. Постельничьи, стольники, кравчии, конюшии, сенные... Иных из которых вам самим хорошо бы позвать.

– Я сама за кравчую сойду, князь Борис Михайлович! – неожиданно объявила боярская дочь Федора. – Так оно выйдет спокойнее.

– Ты о чем, бабушка? – оглянулась на нее Мария.

– У царской невесты много недоброжелателей, внученька, – улыбнулась старушка. – Все хотят занять место счастливицы. Отравят – и глазом не моргнут. Посему отныне любое угощение я первая пробовать стану, а уж опосля тебе давать.

– Но так нельзя, бабушка! Я не хочу, чтобы ты умерла вместо меня!

– Не нужно так пугаться, милая, я свой век уже пожила, – покачала головой боярыня Федора. – Коли и отравлюсь, многого не потеряю. Опять же, людей, у которых кравчие имеются, не травят. Какой смысл, коли умрет не враг, а только его слуга? Посему большой опасности в сем ремесле не имеется.

– Насколько мне ведомо, Мария Ивановна, еще ни один кравчий при царском дворе от отравления не умирал, – подтвердил ее слова окольный. – Это всего лишь очень важная предосторожность. Особенно для царской избранницы.

– Когда я увижу Михаила Федоровича? – тут же вспомнила о своем положении невеста. – Он придет на ужин?

– Прости, Мария Ивановна, но при дворе свои правила. Государь редко встречается за столом даже с супругой. Царица живет на женской половине, он на мужской. И сходятся оба токмо ради исполнения своего долга. Ты же покамест и вовсе всего лишь невеста... – Окольный виновато вздохнул и перекрестился.

– Неужели мы не увидимся с ним до самой свадьбы?

– Ты стала избранницей всего полчаса назад, Мария Ивановна. Полагаю, ныне даже сам Михаил Федорович не сможет ответить на сей вопрос. Надобно немного подождать. Вы же пока располагайтесь в новом доме. Я велю слугам принести угощение.

Окольный поклонился и покинул верхний терем.

– Какая роскошь! – остались осматриваться боярские дети Желябужские. – Какая красота! Интересно, каковы остальные покои?

Они разошлись по разным горницам, выбирая себе каждый собственные покои, пробуя на мягкость перины, пытаясь выглянуть в окна, поглаживая затянутые сукном стены.

Примерно через час в дверь терема постучали. Затем створки распахнулись, внутрь вошли царские холопы в ярких атласных косоворотках, с полными корзинами всяких яств: фруктами, копченой и заливной рыбой, тушеным и жареным мясом. Вел их окольный Борис Михайлович, каковой с поклоном передал девушке бумажный свиток:

– Тебе письмо, Мария Ивановна!

– От кого? – встревожилась боярская дочь.

Она все еще не верила в случившееся чудо и постоянно ожидала какого подвоха, что низринет ее из сияющих райских куш обратно к тесным и темным рубленным комнаткам, присыпанным соломой дворам, тесным кухням и хлевам под окном.

Князь Салтыков не ответил.

Мария взяла грамотку, пробежала глазами – и буквально на глазах расцвела.

– Бабушка, он называет меня ненаглядной! Ладушкой! Любимой! – громко крикнула девица. – Сердечком своим, душенькой! Михаил Федорович приглашает меня с собою в паломничество, в Сергиеву лавру! С благодарственным молебном о нашем с ним соединении!

– Теперь я могу ответить на твой вопрос, Мария Ивановна, – добродушно улыбнулся окольный. – Вы увидите с государем послезавтра, незадолго до полудня.

5 ноября 1616 года

Ярославский тракт, село Тайницкое

Выезд царя Михаила Федоровича в Троице-Сергиеву лавру выглядел скромно. Все же он собрался молиться, а не на торжество какое-то али в ратный поход.

В паломничество отправились сам государь да охрана его личная – полторы сотни рынд; ну и свита царская: ближние помощники окольных братья Салтыковы да подьячие от каждого приказа, дабы при нужде поручение срочное передать; стряпчие Постельничьего приказа – за удобствами государя по дороге следить, да спальник за саму постель отвечать, да кравчий за столом ухаживать... Совсем малая свита, полсотни слуг. Ну и, понятно, возки с походной утварью, с постелью, со сменной одеждою, с палатками и тентами, дабы на отдых днем остановиться – перекусить там али просто размяться, да припасы съестные, ибо достойной государя еды в пути не купишь... Всего осмнадцать полных возков, не считая колясок, в каковых княжны и боярыни путешествовали, да личных обозов знатных князей из свиты. И двух сотен городских стрельцов, что за сим обозом присматривали.

Царская невеста тоже ехала скромно – в самой обычной коляске с плетеным верхом, крытым толстой сыромятной кожей, с медвежьим пологом, каковой прикрывал ноги девушки и ее бабушки.

Михаил Федорович скакал верхом, иногда выезжая немного вперед, иногда придерживая вороного туркестанца и оказываясь рядом с возком.

– Ты не устала, моя горлица? – спрашивал с седла юный царь. – Не укачало? Не проголодалась? Не замерзла?

– Все хорошо, мой суженый... – поднимала руку Мария. Михаил касался ее пальцев, крепко сжимал ладонь, ненадолго удерживал в своей, отпускал и уносился вперед, съезжал с ровной дороги на полянки, заставлял скакуна крутиться и гарцевать, высоко поднимая ноги, стремительно возвращался обратно.

От Москвы до Сергиевской лавры полста верст пути. Пусть и по широкому, хорошо накапанному тракту – все едино путь неблизкий. К вечеру первого дня царский поезд добрался токмо до села Тайницкого, где для сих случаев уже не первый век стоял небольшой путевой дворец: многоскатный сруб на каменной подклети и в три жилья высотой, с четырьмя печами, несколькими опочивальнями и просторными людскими. Дворец окружал просторный двор с несколькими сараями, навесами для лошадей и аккуратной домовою церквушкой с единственною луковкой и островерхой звонницей.

Для небольшого выезда места здесь хватило с избытком, свита разместилась со всеми удобствами. Однако путевой дворец – это не просторные кремлевские хоромы, ужинать паломникам пришлось всем вместе, в одной общей трапезной. Свита оказалась за большим столом, составленным буквой «П», а царь с невестой – за своим, стоящим наособицу на небольшом возвышении.

Мария и Михаил сидели друг напротив друга, и если бы вытянули руки – вполне могли их соединить, соприкоснуться пальцами. Им обоим очень хотелось это сделать – Михаил видел, как девушка, глядя ему в глаза и слабо улыбаясь, слегка выдвигает вперед ладони, как гладит подушечками пальцев стол, словно бы надеясь незаметно подкрасться. Он ощущал себя точно так же – и тоже царапал ногтями стол, не доставая до пальцев невесты считанных вершков.

Но что можно сделать, если рядом с топориками наготове стоят рынды, если стольники за спиной не отрывают глаз от своих хозяев, а сбоку суетятся кравчие, пробуя предназначенное для царя и его невесты вино, отрезая себе кусочки пирогов и расстегаев, копченой рыбы и мяса, ветчины и бледно-розовой семги?

Разумеется, рядом с царем крутился его веселый и верный воспитанник Борис Морозов, которому можно верить, который еще и прикроет, оправдает, если что. Но рядом с невестой стояла невысокая пожилая боярыня сурового вида. Под ее хмурым взглядом Михаил не решался ни слова лишнего произнести, ни руку девушки ладонью накрыть, ни тем более еще чего большего себе позволить. Да даже если бы не бабка – вся свита за соседним столом раселась!

Люди кругом, люди рядом, люди везде. Чужие глаза и уши. Не пошалишь, не забалуешь. Все, что мог позволить себе царь, так это смотреть с нежностью в карие глаза да иногда улыбаться. И все-таки... Он видел Марию, слышал, осознавал совсем рядом с собой! Ощущал ее желания, понимал ее взгляды. Уже ради одного этого стоило затеять случившееся паломничество! Ради таких вот ужинов, ради прикосновений во время дороги, ради тех слов, которыми удавалось обменяться во время пути.

Мария была его обрученной невестой. До свадьбы оставался всего месяц, а то и менее. И тогда между ними рухнут последние преграды, они станут принадлежать друг другу целиком и полностью! Оставалось совсем немного. Один месяц можно и потерпеть.

Однако это был всего лишь первый день пути, и самые первые случайные прикосновения...

* * *

Прошло всего лишь семь дней – и двенадцатого ноября село Тайницкое снова пришло в движение, закрутилось лихорадочной людной суетой.

Трапезная путевого дворца стремительно наполнялась светом по мере того, как несколько холопов зажигали со стремянки свечи на настенных бра и на свисающих над столами многорожковых люстрах. Они только-только успели убрать лестницы, как уже распахнулись широкие двустворчатые двери и помещение наполнилось шумной многоголосой толпой.

Первыми, взявшись за руки, прошли Михаил Федорович и его невеста, за ними остальная свита. Государь проводил Марию Ивановну до возвышения, дождался, пока она опустится в кресло, после этого обошел ее и сел напротив.

– Только не темное красное, царь-батюшка! – быстро подбежал к нему боярин Морозов. – После такой-то дороги оно как кирпич в живот ложится, и голова поутру словно из елового полена! Легкий шипучий сидр, вот что утолит жажду усталому путнику!

И, не дожидаясь ответа, кравчий быстро налил себе кубок, выпил, удовлетворенно вздохнул. Наполнил золотую с самоцветами чашу государя. Прижал ладонь к груди, кашлянул:

– Ой! Надо бы проверить еще раз... – боярин Морозов налил себе еще сидра, отпил, кивнул: – Нет-нет, все замечательно! Мария Ивановна, откушайте, очень освежает.

– Вина не хочется, – покачала головой царская избранница.

– А на доньшко для любопытства?

– Тебе же сказали, баламут, она не желает! – отрезала бабушка Федора. – С мороза сбить куда полезнее.

– Мария Иванова? – чуть вскинул брови кравчий.

– Сбитень, – кратко ответила невеста.

– А ведь и вправду освежает, горлица моя, – сделав пару глотков, царь всея Руси протянул руку и накрыл ладонь невесты своею.

И девушка тут же сдалась.

– Хорошо, – слабо улыбнулась она и протянула свой кубок.

– Я за двоих проверил... – быстро напомнил бабушке боярин Морозов и налил вина царской избраннице.

– Любо государю и его невесте! – вскинул свой бокал кто-то за столом свиты, и трапезная моментально откликнулась: – Любо! Любо!

– За тебя, моя ненаглядная! – поднял свою чашу царь всея Руси.

– За тебя, мой суженый, – ответила Михаилу невеста.

Паломничество многое изменило в отношениях молодых людей. Долгий путь рядом, ежедневные завтраки, обеды и ужины за одним столом, лицом к лицу, совместный молебен плечом к плечу у святых мощей чудотворца Сергия Радонежского – Михаил и Мария научились быть рядом, держаться за руки, разговаривать. Не столько научились сами, сколько приучили к этому царскую свиту и родню невесты, старательно сторожащую ее честь до дня бракосочетания. И хотя бабушка Федора считала, что жадные взгляды правителя и его прикосновения не столь уж и целомудренны, однако даже ее собственные сыновья воспринимали сие бурчание с усмешкой. В конце концов, Михаил Федорович жених, к тому же обрученный. Имеет право даже на настоящий поцелуй!

– Ветчина какая нежная, просто сказка! Так во рту и тает, – восхитился кравчий. – После тушеной капусты самое то...

– Ныне постный день! – хмуро напомнила бабушка Федора.

– Так ведь мы в дороге, боярыня! Нам можно!

– Не в дороге, а в паломничестве! – мотнула головой кравчая невесты.

– А я могу и за двоих отведать! – подмигнул избраннице Борис Морозов. – Положить?

– Спасибо, боярин, я сыта... – не смогла сдержать улыбки Мария и чуть наклонилась вперед, продвинула руку по столешнице. Государь придвинул в ответ свою, их пальцы соприкоснулись. – Увидимся завтра... Михаил...

– Увидимся утром, моя горлица, – кивнул ей юный государь.

14 ноября 1616 года

Москва, Кремль. Вознесенский монастырь

Дьяк Посольского приказа вышел из кельи царской матери, оставив монашку Марфу просматривать целую охапку грамот, и потому она не сразу заметила престарелую инокиню, бесшумно скользнувшую в открытую дверь. А когда подняла голову, вздрогнула от неожиданности. И тут же указала на дверь:

– Убирайся! Я же сказала, не желаю тебя видеть!

– Марфушка, мы же много лет как подруги, – тихо ответила матушка Евникия. – Не поступай так.

– Это все из-за тебя! – вскинулась инокиня. – Это ты притащила сию воровку на смотр! Из-за тебя Миша разума лишился, из-за тебя беспутным стал, меня не слушает, гадюку художественную под венец тянет!

– Ты бы хоть посмотрела на них, Марфа, – тихо и скромно попросила Евникия. – Ты посмотри, как сыночек твой счастлив, как душой оттаял, как радуется невестушке своей...

– Ведьма она! – оскалилась царская мать. – Ведьма, чародейством Мишку приворожила, колдовством глаза застилает! Вспомни, как она здесь, на этом самом месте, символ веры прочитать не смогла! А потому и не смогла, что ведьма черная и слова Христова не переносит! И ты, ты, – опять вытянула руку инокиня. – Это ты, Евникия, ведьму сию во дворец, в мой дом протащила! Гнать ее надо было, едва на молитве христианской оступилась, ан ты змеюку подлую собственными руками Мишеньке на грудь положила и в самое сердце ужалить позволила! Вот как притащила, так теперь и изгоняй! Что хочешь делай, но чтобы в Кремле ее больше не было! Не то саму тебя проклянута и детей твоих, и внуков, и весь род твой анафеме предаю!

Матушка Евникия открыла было рот, но поняла, что спорить супротив гнева своей царственной подруги бесполезно, склонила голову и так же бесшумно скрылась за дверь.

Перейдя в свою комнатушку, послушница опустила на колени пред ликом Пресвятой Богородицы и надолго погрузилась в бесшумные молитвы. Но затем все-таки решилась – поднялась, накинула поверх кашемировой рясы соболью шубу, крытую скромным темным сукном, спустилась вниз, покинула обитель, свернула в кремлевские ворота, миновала мост через ров, повернула налево и вскоре оказалась на Никольской улице, постучав в ворота подворья князей Салтыковых.

Ярыга, выглянув в окошко, тут же распахнул калитку и низко поклонился:

– Благослови меня, матушка, ибо я грешен.

Монашка мимоходом наградила его крестным знаменем, прошла к крыльцу, уверенно расправившись склоненной челяди:

– Ключника ко мне!

В сенях Евникия небрежно сбросила шубу, чуть выждала. Из глубины дома примчался мальчишка в полотняной косоворотке с пятирожковым подсвечником, посторонился. Монашка широким шагом двинулась по пахнущему свежей древесиной коридору, остановилась у одной из дверей.

– Бегу!!! – с громким топотом нагнал гостью низкорослый старик в суконной, с шитьем, ферязи без рукавов, с торчащей ключьями во все стороны рыжей бородой.

– Не суетись, Никифор, я не спешу, – успокоила его монашка. – Ты помнишь чашу индийскую, что я незадолго до смерти Бориски Годунова купила? Деревянную с золотом? Она не пропала?

Ключник промолчал, взясь с дверным замком.

– Не помнишь... – сделала вывод инокиня Евникия.

– Но никак не пропадала, матушка! – толкнул тесовую створку старик. – Все твои вещи в целости и сохранности лежат. Ни иголки не унесли!

Все трое они вошли в темную кладовую, заставленную сундуками.

– Ничего, сказываешь, не трогал? – уточнила монашка.

– Токмо рухлядь четыре раза в году перебираю, проветриваю. Дабы моль не завелась.

– Я помню, ты всегда был слугой прилежным... – Инокиня Евникия в сопровождении мальчишки прошла в глубину комнаты, указала на один из сундуков: – Открой.

Ключник отомкнул замок, поднял крышку. Свет свечей упал на сложенные в несколько рядов серебряные кубки, блюда, тарелки.

– Не то... – сразу отмахнулась монашка. – Вот этот отвори!

– Там одна медь, матушка, – забренчал ключами Никифор. – По праздникам на низ стола выставляю.

Инокиня промолчала, и потому холоп поднял крышку. Монашка мельком глянула внутрь и махнула рукой:

– Нет, среди посуды она быть не может... Вот этот открой.

В очередном сундуке оказалась утварь золотая, и матушка Евникия опять покачала головой:

– Не то-о... Где же она может быть? – Женщина задумалась, поглаживая ладонью подбородок, затем решительно указала на обитый медью сундук с красно-синими тесовыми стенками: – Этот посмотри!

Слуга послушался. Под поднятой крышкой блеснули вышитое бисером оплечье, несколько лежащих без окладов икон, березовые туски, лаковые шкатулки, какие-то бутылочки и коробка.

– Ну слава богу, нашлась! – Наклонившись, монахиня раздвинула сваленные кучкой берестяные туски и вытянула из-под них деревянную чашку размером примерно на три полных горсти. Чистая и гладкая внутри, снаружи она была украшена гладкими овальными самоцветами и обита тонкими золотыми полосками, идущими по стенкам спиралью.

Инокиня Евникия подняла чашу перед собой. Покрутила, любясь отблесками свечей на камнях. Глубоко вздохнула, перекрестилась:

– Никифор, вели подать в мои старые покои кувшин стоячего меда, какие-нибудь расстегаи и ветчину. Соскучилась я что-то по хорошей ветчине.

– Да, матушка, – поклонился ключник.

Монашка снова полюбовалась чашкой и вышла из кладовой, осторожно неся ее на ладони.

Она поднялась в свои покои, оставленные много лет назад, но ничуть не изменившиеся, встала перед слюдяным окном, выставив деревянную посудину на свет, еще раз старательно осмотрела. Заметила пыль, тихонько подула, осмотрела снова, вздохнула и отерла ее всю подолом рясы.

Без стука распахнулась дверь, дворовые девки на двух подносах внесли два серебряных кубка, расписной кувшин, поставили тарелки с нарезанными пирогами, семгой, салом и розовой бужениной.

– Почему два? – немного удивилась инокиня.

– Ключник так велел, – ответила холопка. – Полагал, ждешь ты кого-то, матушка.

– Почти угадал Никифор. – Монашка аккуратно опустила чашу на край столешницы, сама опустилась в кресло с высокими боковинами. – Я жду сыновей. Но вряд ли они захотят со мною пить.

– Еще что-нибудь желаешь, матушка? – Закончив накрывать стол, служанки остановились, сложив ладони на животе.

– Ступайте, – разрешила гостя и потянулась к кувшину...

Вечер был тихим и спокойным. Сладкий хмельной мед, пироги с рыбой, ветчина. Монашка отдыхала за трапезой, поглядывая на слюдяное окно, каковое становилось все темнее и темнее. Оно стало совсем черным, когда в дверь наконец-то постучали:

– Матушка, ты здесь? Дворня сказывала, ты решила нас навестить!

– Пусть поменяют свечи, – негромко распорядилась инокиня. – И принесут еще меда.

– Мама, как мы рады тебя видеть! – Братья Салтыковы, длиннородые и плечистые, с солидными животиками, спрятанными под дорожную парчу, с двух сторон опустились возле кресла, обняли гостью и по очереди поцеловали в щеки. – Давно ты уже нас не навещала!

– Так ведь в Кремле видимся, мальчики мои, – обняла за плечи обоих женщина. – Нечто соскучились?

– Разве же это встречи, мама?

Дворяня тем временем обновила стол, запалила свежие свечи, поставила еще два кубка и исчезла снаружи, притворив дверь.

– Как ни жаль, чада мои, но я ныне здесь по делу, – отпустила сыновей монашка. – Как там, поведайте, служба ваша? Как государь, как невеста?

– Да все не нарадуются молодые, матушка, души друг в друге не чают, – ответил один из рыжебородых князей. – Государь по три письма в день ей строчит, она пятью отвечает. К заутрене бегут, ровно утятя к птичнице, дабы рядышком в церкви постоять.

– Михаил Федорович еще одно паломничество замышляет, желает снова вместе с Марией прокатиться, – добавил второй. – Зело ему предыдущее путешествие понравилось!

– Плохо сие, – покачала головой монахиня. – Все плохо. Прежде всего не следует жениху с невестой до свадьбы видеться. Надобно соскучиться, истосковаться. Не стоит им вдвоем к одной службе ходить, видеться и письма писать. Да и вообще...

– Что, мама? – не поняли братья.

– Матушка Марфа от свадьбы наступающей в бешенстве, – тихо сообщила инокиня Евникия. – Нелюба ей Мария. Ненавидит ее отчего-то матушка царская, терпеть не может. Ведьмой считает. Не желает она сей свадьбы. А коли не желает, то и не допустит!

– Как же она помешает, мама? – переглянулись окольниковы. – Слажено ведь все уже накрепко, выбор сделан, день назначен! Поместный приказ свадебный чин готовит.

– Вы недооцениваете матушку Марфу, мальчики мои, – покачала головой инокиня. – Она всегда добивается своего. Добивалась даже тогда, когда ей противостояли силы куда могущественнее наших. Если она сказала, что свадьбы не будет, значит, ее не будет.

– Что же она может сделать, мама? – Один из братьев поднялся и присел на край стола. – Не убийц же к невесте подошлет!

– Чур, тебя, чур! – торопливо перекрестилась монашка. – Скажешь тоже! Токмо душегубства нам не хватает... Но вот коли вдруг обнаружится, что по болезни невеста способность к чадородию утратила, то сию весть из ваших уст матушка Марфа несомненно сочтет за добрую.

– Но она здорова, мама!

– Чада мои наивные... – вздохнула инокиня Евникия. – Боренька, ты ныне кто? Ты окольниковичий, друг близкий царю, дьяк Бронного приказа. А ты кто, Мишенька? Ты дьяк Аптечного приказа, окольниковичий и близкий друг царя. Напомнить вам, как вы вознеслись до сих мест? Подняла вас при дворе матушка Марфа после того, как мы с нею сдружились и я доверие ее смогла заслужить. Ныне подруга моя во гневе и готова карать и истреблять всех, кто токмо девице Хлоповой в ее сближении с государем помогал. Поверьте мне, мальчики, скинуть вас в простые сотники моя подруга способна так же легко и быстро, как и подняла из обычных воевод в приказные дьяки. Наш государь, ее послушный сын, и ради вас ссориться с матерью не станет. Сами понимаете, у чад и родителей размолвки еще случаются, но вот настоящей вражды не бывает. Коли она попросит, Михаил Федорович хоть сейчас от вас откажется. Опять же, у супруги новой свои друзья и родичи имеются, так что места окольниковичих надолго не опустеют. Надобно вам сие али нет?

Братья переглянулись.

– Государь есть наш повелитель, помазанник божий, – кивнула инокиня Евникия. – Мы его чтим и уважаем. Но наша сила и опора, увы, не в нем, а в его матери. Каковой близость сердечная Михаила и Марии словно ножом по сердцу...

– Они такие счастливые, мама... – пробормотал Борис.

– Ваше счастье, дети мои, беспокоит меня куда сильнее... – Монахиня широко перекрестилась. – Да простит господь всемогущий великие мои прегрешения. Но Марфа зла сверх всякой меры и вполне способна сотворить что-нибудь недоброе. Как бы нам с вами на пути ее гнева не оказаться-то.

– Так и что нам делать?

– Умишком своим пораскинуть, мальчики, – посоветовала монашка. – Я вам поведала достаточно. Теперь ступайте. Я устала. Сегодня останусь здесь.

* * *

Около полудня нового дня по ступеням, ведущим в теремные палаты, поднялась скромная послушница, появление которой заставило телохранителей почтительно склонить головы:

– Благослови нас, матушка, ибо мы грешны.

– Я тоже не безупречна, служивые, – одарила каждого из них крестным знаменем монашка. – Да пребудет с вами милость Господа нашего Иисуса Христа.

Рынды распахнули перед гостьей дверь, инокиня вошла внутрь, на мягкие ковры, выстилающие пол, прошла в глубину, тихонько постучала в одну из дверей:

– Здесь ли моя жемчужинка пребывает?

Створки почти сразу распахнулись, наружу выглянула светлая, сияющая счастьем девушка в легкой шелковой рубашке, поверх которой был надет бархатный сарафан без рукавов – зато с золотым шитьем на груди, животе и по подолу.

– Матушка, это ты?! – радостно воскликнула царская невеста и опустилась на колени, поцеловала монашке запястье: – Благодарю тебя, матушка!

– Вот видишь, жемчужинка, не зря я за тебя хлопотала, – погладила ее по голове монахиня. – Ты оказалась самой красивой.

– Всю жизнь за тебя молиться стану, матушка! – Поднявшись с колена, царская невеста перекрестилась и поклонилась гостье.

– И как тебе здесь живется, жемчужинка? – прошла дальше в покои гостя.

– Как в раю, матушка, – честно призналась невеста.

– Рада за тебя, красавица... – осмотрелась монашка. – Хорошо здесь получилось. Нарядно, уютно, светло.

– Да, матушка.

– До свадьбы, сказывают, всего две недели осталось?

– Девятнадцать дней, матушка.

– Скоро обретешь свое счастье, жемчужинка. Ты, главное, не испорти ничего.

– Ты о чем, матушка? – тут же забеспокоилась девушка.

– Невеста кисею свою токмо после таинства венчания поднимает, жемчужинка. Коли поспешишь и слишком рано сблизись, чем мужа после свадьбы порадуешь? Какой тайной, каким сокровищем одаришь? – вкрадчиво произнесла монашка. – Чего ждать он станет с нетерпением, о чем мечтать, на что надеяться? Не зря люди сказывают, увидеть невесту до свадьбы плохая примета! Чем сильнее жажда, тем слаще глоток воды. Чем суровее разлука, тем ярче радость свидания. Тебе ныне лучше воздержаться от встреч близких с женихом своим. От служб совместных, от писем частых. Пусть настоящая разлука и настоящее ожидание сделает вашу свадьбу истинной долгожданной радостью.

– Мне нельзя встречаться с Михаилом Федоровичем? – облизнула губы враз погрузневшая девушка.

– Это царский двор, жемчужинка. Здесь много глаз, много ушей. Здесь все всё видят, ничего невозможно скрыть. Когда невеста что ни день с женихом своим рядом воркует, о чем люди подумают? Чистоту свою надобно беречь, милая! Слухи легко рождаются, от дурных намеков трудно отмыться. Лучше до всего этого не допускать.

– Благодарю за заботу, матушка...

– А я и забыла совсем! – словно бы встряхнулась гостя. – Я же с подарком!

Монашка вынула сверток, что все это время находился у нее под мышкой, развернула цветастый набивной платок и достала на свет деревянную чашу, обитую снаружи золотыми полосками и украшенную самоцветами.

– Матушка государя нашего, Михаила Федоровича, в знак своего благословения желает одарить невесту священным сосудом, выточенном из сандалового дерева, выросшего на берегах священной реки Иордан и там же намоленном. – Гостья протянула чашу девушке. – Пусть милость Господа нашего и покровительство царской матери через сию вещь перейдут на тебя и согреют твою душу.

– Какая красота! – восхищенно выдохнула избранница, принимая дар. – Спасибо! Спасибо большое! Передайте матушке Марфе мой нижайший поклон! Вот токмо не знаю, чем отдариться...

– Ты еще успеешь, милая, – пообещала гостья. – У тебя вся жизнь впереди.

Она уважительно поклонилась и отправилась к дверям.

Мария проводила гостью до самой лестницы, после чего стремглав кинулась к себе в покои:

– Бабушка, бабушка, смотри, какую красоту мне Мишина мама подарила! Настоящий сандал! Золото, самоцветы! С берегов реки Иордан!

Она вошла в светелку для вышивания, показала боярыне Федоре чашу и гордо заявила:

– Я хочу выпить кваса!

– Как скажешь, внученька, – не стала перечить старушка, взяла со столика кувшин, налила немного в серебряный стаканчик, отпробовала, после чего наполнила чашу.

Мария с видимым наслаждением, маленькими глоточками выпила и широко улыбнулась:

– Как вкусно, бабушка! Какой аромат! Вот что значит настоящий сандал!

* * *

Государь Михаил Федорович, стоя на просторном крыльце Грановитой палаты, взвесил саблю в руках, затем резко выдернул из ножен, рубанул ею воздух, быстро покрутил по сторонам от тела, резко остановился, поднес клинок к глазам.

Окольничий опасливо попятился, однако царь всея Руси с османским подарком более не играл. Провел подушечками пальцев вдоль лезвия, вернул в ножны и повернулся к князю Салтыкову:

– А что, Борис Михайлович, по силу ли нашим кузнецам такой же славный и красивый меч отковать?

– Да раз плюнуть, государь, – огладил окладистую, хорошо вычесанную рыжую бороду дьяк Бронного приказа. – Кузнецов, чтобы лучше русских оказались, нигде в мире не сыскать!

– Дамасский булат! – напомнил окольничему царь.

– Тот-то и оно, что дамасский, – презрительно дернул губой князь. – Наш булат на две головы лучше будет, без непроваров.

– Каких непроваров? – не понял Михаил Федорович.

– Коли мастер криворукий, государь, то слои железа переплетенного воедино не сливаются и трещинки мелкие на клинке возникают. Наши кузнецы за такую поруку подмастерий порют, а басурмане сии грехи золотом затирают и за достоинство выдают.

Михаил Федорович приподнял брови, полувытянул саблю из ножен, посмотрел на золотую паутинку, бегущую по стали, хмыкнул, вогнал обратно и протянул окольничему:

– Отнеси в оружейную палату чудо османское. Пусть там сия красота сберегается, коли токмо для изящности годится. – И тут же поинтересовался: – От Марии весточек нет?

– Нехорошо оно, государь, до свадьбы с невестой встречаться, – покачал головой князь. – Примета дурная. Себя надо бы чтить и к первой встрече настоящей взаправду готовиться.

– Да сговорились вы все, что ли?! – резко вскинулся царь всея Руси. – Вот и Мария мне то же самое чуть не слово в слово пишет! Что перед свадьбой надобно чувства свои разлукой усилить. Дабы встреча на свадьбе многократно слаще стала...

– Так ведь и верно пишет, государь, – согласно кивнул окольныйничий.

– Но до свадьбы еще две недели, княже! Что же нам теперь, до встречи столько терпеть?

– Зато какой долгожданной встреча получится, Михаил Федорович!

– Да она меня и завтра обрадовала бы, Борис Михайлович!

Окольныйничий в ответ лишь молча пожал плечами.

– Хорошо, княже, – решил юный царь. – Ступай, отнеси саблю. А на обратном пути в терем загляни, узнай, как оно там?.. Ты счастливый, тебя и туда и туда пускают. Мне же наверх путь заказан!

– Как прикажешь, государь, – поклонился окольныйничий и отправился вниз по ступеням.

Царь же, просмотрев со своего места на кровли дворца, только обреченно вздохнул и, сопровождаемый шестью рындами, вернулся в золотую залу.

Князь Борис Салтыков, отнеся подарок османских послов в сокровищницу, поднялся на самый верх дворца, в похожий на сказочную игрушку многоцветный терем, поклонился его хозяйке:

– В добром ли ты здравии, Мария свет Ивановна?

– Да уж не жалуясь, Борис Михайлович, – одарила его сияющей улыбкой царская избранница. – Коли ты брата своего ищешь, то он за мастерами отправился. Не нравится Михаилу Михайловичу, как здешняя печь топится. Тепла, сказывает, мало дает. А по мне, так все хорошо.

– Он дьяк Аптечного приказа, боярыня. На нем забота о здоровье всей царской семьи, – заступился за брата князь Салтыков. – Вот и заботится. Но ведь я с поручением к тебе, избранница! Государь повелел грусть и тоску свою передать о разлуке случившейся. Скучает и встречи ждет в нетерпении.

– Передай, княже, я тоже в тоске глубокой! Передай, в сердце моем огонь разгорается все сильнее в ожидании нашей свадьбы! – задыхаясь, чуть ли не пропела девица. – Пусть и в нем пламя любовное тоже полыхнет со всею силой! Я жду, когда сей пожар заберет меня в свою власть навеки, и каждый день, каждый час считаю... – Мария подняла руки, словно собралась обнять царского гонца, но в последний миг лишь закружилась перед ним в своем бархатном с золотом сарафане.

– Все передам в точности, – низко поклонился князь, взмахнув рукой над самым ковром и отступил к дверям.

Спустя полчаса он уже отчитывался в государевых покоях:

– Она вся в нетерпении, Михаил Федорович. Сказывала, каждый час и каждую минутку до свадьбы считает. И горит вся от сладкого пламени и тебе так же полыхнуть желает.

– Что же это такое? – заметался от стены к стене юный правитель всея Руси. – Где справедливость? Она рядом, а я с ней ни увидеться, ни словом перемолвиться не могу!

– Близок локоть, да не укусишь, государь. Не терзайся ты так. До свадебки всего две недели осталось. Потерпи, Михаил Федорович. От страстного ожидания ваша встреча токмо слаще станет!

– Тебе хорошо сказывать, Борис Михайлович, тебя супруга дома ожидает. А я... Словно бы на привязи сажу! А теперь еще и видеться с любовью своей не в силах...

* * *

Новым утром царская невеста не вышла к утренней службе. Мария Ивановна крепко держала свое слово – она больше не показывалась жениху на глаза.

Однако вскорости князь Борис Михайлович уже спешил в верхний терем с вопросами государя о здоровье невесты и ее настроении...

Не вышла царская избранница и на второй день – и опять незадолго до полудня рыжебородый окольный степенно отправился гонцом в ее палаты.

Здесь царила странная, тревожная суета. Бледные братья Желябужские то заходили в невестины палаты, то выходили. Боярыня Федора, не заметив князя, пробежала мимо него с ушатом, девки спешили внутрь с полотенцами.

Пока Борис Михайлович размышлял, как поступить, в тереме появился его брат, ведя за собою смуглого, как мореный дуб, и черноглазого араба Балсыря; вечно хмурого, в стеганом сером халате, со впалыми щеками и коротенькой, клинышком, бородкой. В руках самый известный лекарь Москвы нес свой неизменный лаковый сундучок с широкой медной ручкой на крышке.

Балсырь и князь Салтыков вместе скрылись в покоях царской невесты, однако окольный вскоре вернулся и встал перед братом.

– Иди к матушке, – негромко сказал он. – Скажи, занедужила Мария Ивановна. Мутит ее, тошнит. И с животом неладно.

– Ты что-то сделал? – моментально вспомнил недавний разговор с матерью Борис Михайлович.

Князь Салтыков отрицательно покачал головой и широко перекрестился:

– Вот те крест, не я. Само собой так сложилось. Ступай, предупреди маму. Коли она первая инокине Марфе о сем передаст, то ссора их, вестимо, затихнет. Вести по Кремлю разбегаются быстро, надобно, чтобы мама раньше всех с сей весточкой пришла. Так что поспеши.

Борис Михайлович внимательно посмотрел на запертую дверь в покои царской невесты, пригладил бороду и широко зашагал к лестнице.

Когда князь Салтыков вернулся, его брат разговаривал уже с другим известным лекарем, немецким, что прижился при дворе еще со времен изгнания поляков, изрядно раздобрев и порозовев. Несмотря на прошедшие годы, иноземец по сей день одевался в чулки и бархатный колет и носил шляпу с большим петушиным пером.

Путая и коверкая слова, Валентин Бильс размахивал тонкой черной тростью и объяснял:

– Сие есть, княже, почечная желтуха! Надобно от сей напасти кушать воду с толченым мелом, настоянную на черном янтаре. Три раза! После пробуждения, в полдень и перед сном. Да творить сие десять дней, не кушая при том ничего жареного, ничего двуногого и ничего красного. И я есмь зубом клянусь, у девицы не останется никаких болестей!

– А чадородие? – спросил Борис Михайлович.

– Найд, ни-ихт, – замахал руками немчура. – Не есть пугайтесь, никакого ущерба чадородию сия болезнь не причиняет!

– Лекарство? – уточнил окольный, давая лекарю мешочек с серебром.

– Лекарство я пришлю! – поклялся немец.

Когда он убежал, Борис Михайлович осторожно кашлянул и спросил:

– А что сказал араб?

– Балсырь вовсе никаких болезней не нашел, – ответил его брат. – Молвил, сластями девица объелась, через то желудку расстройство. Коли водою ключевой поить да кашей простой потчевать, через три дня никакого следа от недомогания не останется.

– А чадородие?

– Здорова Мария Ивановна, здорова! – повторил Михаил Михайлович. – Вестимо, и покушения никакого не случилось. Орешков в меду, может стать, переела, вот и вся болезнь. Меня от них тоже иногда пучит, коли сверх меры увлекусь.

– Наверное, нужно предупредить маму? – неуверенно пробормотал Борис Михайлович. – Ну, что избранница здорова... А то как бы неладного не случилось.

* * *

Однако же в эти самые минуты инокиня Евникия уже входила в келью царской матери.

– Это опять ты?! – вскинула голову сидящая за столом монахиня.

– Я бы не тревожила тебя, матушка, – смиренно потупила взор гостя, – но у меня важная, хотя и недобрая весть. Твоя невестка сильно занедужила, мучается животом и к чадородству, по мнению лекарей, совершенно не способна. Вестимо, родичи Марии Хлоповой скрывали важные сведения о ее здоровье.

– Что я говорила?! – вскочила со своего места монахиня и громко хлопнула ладонями по столу. – Ведьма она! Приворожила, заморочила, обманула! В Разбойный приказ всех без промедления! На дыбу крамольников!

– Матушка, матушка... – покачала головой Евникия. – Нехорошо сие, избранницу государеву да на дыбу. Все же звание высокое. Опять же, коли слухи о сем пройдут, Михаил Федорович прослышит и примчится обязательно... Сыск начнется, лекарей всяких чужих стряпчие звать начнут. А какие там лекаря? Палачи да знахарки... Болезни нутряной могут в Марии Ивановне и не заметить...

– Ты опять эту ведьму защищаешь?! – зло оскалилась инокиня Марфа.

– Второпях подобное решать, матушка, недолго и ошибиться, – понизила голос гостя. – Ныне мы все знаем в точности. Больная Мария Хлопова и бесплодная. А сыск начнется, каждый по-своему мыслить и говорить станет. Сколько людей, столько мнений. Государь, опять же, обязательно вмешается. Ибо до Разбойного приказа ему всего полчаса ходу.

Царская матушка поджала губы, надолго задумалась. Затем медленно кивнула:

– Ты права, моя верная подруга, искать нам в сем деле нечего. Мнение лекарей ведомо, виновные понятны. Шум лишний вовсе ни к чему. С глаз долой, с сердца вон! Убрать крамольников подальше, и все. Князя Бориса Репнина ко мне!

Инокиня Евникия, растянув губы в улыбке, поклонилась и вышла из кельи. Сходила к себе, накинула на плечи шубу, спустилась вниз – и уже на улице столкнулась с сыновьями.

– Матушка, мы к тебе! – встали на ее пути дородные князья, облаченные в собольи шубы и парчовые ферязи, с увесистыми посохами в руках. – Лекарю говорят, недуг царской невесты совсем слабый и на чадородие не влияет. Мария Ивановна скоро исцелится.

– Экие вы... – монахиня кашлянула, сглатывая слово, каковое хотела произнести на самом деле. – Борода длинна, а ум короток. Слушайте меня оба и запоминайте! Лекарю вам сказали, что хворь у избранницы давняя и неизлечимая, понятно?! И детей она иметь не в силах. Понятно?!

– Но как же...

– Не ваша забота! – твердо перебила их матушка Евникия. – Лекарю сказали вам, что Мария неизлечима и бесплодна! Запомнили? Теперь ступайте в Разбойный приказ. Поведайте стряпчим о сей беде и передайте, что дьяка тамошнего, боярина Репнина, инокиня Марфа пред очи свои немедля кличет!

* * *

Дьяк Разбойного приказа ждать себя долго не заставил, поднявшись по ступеням узкой каменной лестницы Вознесенского монастыря уже через полчаса. На плечах – широкая шуба с отложным бобровым воротником, на голове – высокая бобровая же шапка, в руках – толстый кленовый посох со множеством золотых гвоздиков и навершием из крупного яхонта. Князь Борис Александрович ступал нарочито величаво, медленно, громко дышал и постоянно морщился. Борода его, тщательно расчесанная, пушилась на груди, и по левой ее стороне поблес-

кивали шелковыми ленточками три косицы, украшенные редкими, но крупными жемчужинками.

Особые старания князя Репнина по приданию себе пущей солидности становились понятны, если вспомнить, что среди прочих дьяков он уже довольно долго оставался самым молодым. Со своим местом ему страшно повезло – он вовремя примчался в Тушине поклониться вернувшемуся после излечения государю и подвернулся под руку в тот миг, когда оказалось, что среди переехавших к царю дьяков не оказалось начальника Разбойного приказа. На войне сие место никому из знатных людей доходным не показалось, зато благородное происхождение Бориса Александровича званию дьяка соответствовало – и государь Дмитрий Иванович лихо поставил безусого мальчишку разбираться со всякими воровскими делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.